

ВИКТОР
ПРОНИН
ГРАЖДДАНИН
НАЧАЛЬНИК

ЛУЧШЕ РОМАНЫ ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«ВОРОШИЛОВСКОГО СРЕЛКА»

Банда

Виктор Пронин

Гражданин начальник

«ЭКСМО»

1993

Пронин В. А.

Гражданин начальник / В. А. Пронин — «Эксмо»,
1993 — (Банда)

Дуплет из обреза, оборвавший жизнь самого обычного человека, положил начало серии загадочных, с непонятными мотивами, убийств. Следователь Пафнутьев провел расследование скрупулезно и вышел на организованную преступную группу. Все бы ничего, но в ее составе оказались несколько крупных городских чиновников. Пафнутьева вызвали на ковер, пригрозили расправой, если он не прекратит дело. Но как он может прекратить, если один из бандитов передал в его руки компромат на всю городскую верхушку? Теперь следователь просто обязан разоблачить эту коррумпированную мразь...

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктор Пронин

Гражданин начальник

Часть первая

Утреннее убийство

*Чуч с дубиною придет,
Всем затылки прошибет —
Как водица талая,
Кровь польется алая.*

Детская песенка

Дождь начался сразу после полудня и продолжался до самого вечера, то затихая, то снова набирая силу. Иногда в тучах погромыхивало, где-то за городом вспыхивали молнии, потом вдруг над домами возникали голубые просветы, обещая ясный, тихий вечер. Но опять наплывали тучи, и снова шел сильный упругий дождь. Дочиста вымытые булыжники блестели под вечерними фонарями, в асфальте отражались огни светофоров, витрины, окна домов. Хотя машины шли медленнее, прохожие шарахались от брызг, и висело в воздухе какое-то недовольство дождем, погодой, друг другом.

Проезжая по улицам мимо освещенных витрин, Пахомов видел темные очереди за водкой. За молоком стояли так же сумрачно и молчаливо. Правда, водочные толпы были скорее мужскими, а за молоком стояли в основном старухи и дети. В одном месте очередь показалась ему поменьше других, и он остановил машину.

— За чем стоим, бабуля? — спросил он у крайней женщины.

— А ни за чем.

— Это как?

— Чего привезут, за тем и стоим. Пока ничего не подвезли. Значит, так стоим... На всякий случай. Если подбросят чего, рыбу какую, крупу, консервы — а мы уж наизготовке.

— Шустры, — Пахомов подивился сноровке старушек.

Уже не задерживаясь, он отогнал машину в гараж, выключил мотор и некоторое время словно прислушивался не то к себе, не то к перезвону капель по железной крыше кабины. Никто не подходил к нему, никто не торопился рассказать анекдот, хотя совсем недавно его бы уже плотно окружили ребята. О, как радостно они приветствовали его из самых дальних углов автобазы! Сквозь лобовое стекло он видел, что в гараже идет обычная жизнь, в свете сильных прожекторов мелькали знакомые водители, звучали голоса, но все проходили мимо, как бы огибая его...

— Ни фига, ребята, — пробормотал Пахомов.

С силой захлопнув дверцу кабины, подергав для верности ручку, он направился к выходу. Ни к кому не подошел, не стал навязываться, зная, что, кроме неловкости, ничего не увидит в глазах ребят. У каждого найдется неотложное дело, которое нужно выполнить ну вот прямо-таки в эту секунду, не то случится что-то страшное. А отбежав в сторону, они уже не вернуться — то одно их задержит, то другое.

Пахомов вышел из гаража не через проходную, а в ворота, перешагнув через натянутую над дорогой цепь. И неожиданно оглянулся, чтобы проверить себя. Едва ли не от каждой машины, из каждой ремонтной ямы на него смотрели водители, механики, ремонтники. Все правильно — его возвращение из рейса и этот вот уход из гаража не остались незамеченными.

Дождь немного утих, но с неба продолжала сыпаться мелкая водяная пыль. Пахомов не торопясь зашагал в сторону радужного сияния проспекта. Все последние дни стояла изнуряющая жара, кабина раскалялась, мотор перегревался, стоило где-то остановиться ненадолго, и колеса начинали медленно погружаться в расплавленный асфальт. А затянувшийся дождь, кажется, снял и дневную усталость, и дневное раздражение.

Пахомов почувствовал, что кто-то вцепился в его рукав, повиснув на нем живой тяжестью. Он повернул голову – женщина. Она заглядывала ему в глаза с вопросом, но он молчал, и тогда она спросила сама:

– Ну что смотришь? Сообразим?

– Разоришь, – усмехнулся Пахомов.

– Сотней?

– Сотней от тебя не отделаешься.

– Не переживай, отделаешься. Ну? Смотри, какой скверик... Дождь кончился, фонари люди добрые разбили... Вижу, что хочешь! – Женщина была молодая, шалая, но какая-то заброшенная, Пахомову даже показалось – пыльная.

– Ты ведь уже хорошо поддала сегодня?

– Еще хочу! – честно ответила женщина.

– Извини, дорогая, – Пахомов решительно снял ее ладонь со своей руки. – Как-нибудь в другой раз.

– Ну и дурак! – со вкусом произнесла она. – А с виду ничего еще мужик.

– Только с виду, – усмехнулся Пахомов. – Только с виду.

Через некоторое время он поймал себя на том, что старается идти по освещенным, многолюдным улицам, обходя темные переулки, не останавливаясь у сумрачных скверов. Усмехнулся своему открытию и, закулив, резко обернулся – кто это так настойчиво идет за ним? Он даже отшатнулся к стене, пропуская преследователя вперед. Девушка, похоже, и не заметила его, прошла мимо, слегка царапнув мокрым зонтиком по плечу.

– Простите, – произнесла она в пространство, опять не увидев его, не выделив из толпы.

Дальше он не пошел. Остался стоять у стены. Нашупав спиной какую-то нишу, втиснулся в нее и, невидимый, курил сигарету, пряча огонек в кулак. И за все это время никто из прохожих не вызвал у него подозрений, никто не привлек его внимания. «Если так и дальше пойдет, то можно умом тронуться», – подумал Пахомов, выходя из ниши и снова вливаясь в поток прохожих.

Потом он поймал себя на том, что стоит у освещенной, застекленной витрины. Вверху шла крупная красная надпись: «Их ищет милиция». С плохо отпечатанных снимков на него смотрели молодые парни с какими-то обиженными, скорбными взглядами, будто, фотографируясь, заранее знали, в какую витрину попадут и какой текст будет напечатан рядом с их физиономиями – «опасный преступник», «рецидивист», «возможно, вооружен»...

Вторая половина витрины называлась «Пропал человек». Здесь были помещены фотографии молодых красивых девушек. То ли название подействовало на Пахомова, то ли в самом деле так и было, но здесь на всех лицах ему виделись ласковость, мягкость и обреченность. Этим красавицам будто ничего и не оставалось, как пропасть в свои десять или в свои шестнадцать лет. «Вряд ли их найдут, – подумал Пахомов. – А если и найдут, то скорее всего то, что от них осталось. А где искать – надо спросить у этих молодых людей, которые так плотно расположились за соседним стеклом».

И еще обратил внимание Пахомов – на обеих частях витрины были фотографии красивых в общем-то людей. Конечно, и тех и других красота убедила в какой-то избранности, исключительности. Но одних она толкала на рискованные поступки, ведь внешнюю привлекательность надо было подтверждать, а других красота обрекла на жизнь, полную опасностей

и непредсказуемых ловушек. На каких-то житейских перекрестках их судьбы пересекались, высекая криминальные искры, оставляя кровь и боль...

Прежде чем толкнуть дверь отделения милиции, Пахомов замялся, помедлил, но все-таки вошел. Внутри он увидел узкую, затоптанную мокрыми следами прихожую, громадное витринное стекло с прорезью. За ним – дежурный у пульта. Но сейчас рядом с ним сидели еще несколько милиционеров в позах расслабленных, располагающих к разговору, длинному и пустому. Они курили, чему-то смеялись, их фуражки лежали на свободных стульях, на пульте. Едва Пахомов вошел, все взглянули на него, и что-то неуловимо в них изменилось. Они как бы слегка подобрались, не сделав при этом ни одного движения.

– Слушаю вас, – посерьезневший дежурный смотрел на Пахомова требовательно и недовольно. Появление его было некстати – чей-то рассказ прервался, как это обычно и бывает, на самом интересном месте.

– Хочу сделать заявление, – произнес Пахомов давно заготовленные слова. Из внутреннего кармана куртки, расстегнув «молнию», он вынул мятый, чуть подмокший конверт. Дежурный с подозрением смотрел на действия посетителя. Он показался ему, как и его конверт, каким-то подмокшим, издерганным. Хотя старался держаться спокойно, но с каждой минутой его уверенность словно таяла.

– Слушаю вас, – повторил дежурный, стараясь произносить слова мягче – как бы этот странный посетитель не выкинул какой-нибудь фокус.

– Как... Прямо здесь?

– А вам здесь не нравится? К сожалению, у меня нет другого помещения, – дежурный оглянулся на приятелей, приглашая и их послушать – разговор намечался забавный. – Мы внимательно вас слушаем.

– Хорошо, – вздохнул Пахомов. – Дело в том, что мне стало известно... В общем, существует опасность для моей жизни.

– Простите, но и для моей жизни существует опасность, – дежурный не мог отказать себе в удовольствии подпустить немного ехидства. – Жизнь вообще опасна, от нее умирают.

Пахомов прекрасно понял издевку, но решил не отступать, он не был уверен, что придет сюда еще когда-нибудь. А если уж зашел, надо довести дело до конца.

– Я не шучу, – сказал он, и это прозвучало укором. – Мне вообще не до шуток. Вот мое заявление. Я хочу, чтобы вы взяли его... официально. Чтобы в журнале об этом была запись.

– О чем? – не понял дежурный.

– О том, что вы взяли у меня письменное заявление.

– Вы нам не доверяете? – Дежурный почему-то обиделся.

– Я хочу, чтобы все было... По правилам. Чтобы остались следы моего здесь пребывания. – Пахомов говорил размеренно и почти без выражения, запретив себе как-то откликаться на слова дежурного.

– Так, – тот озадаченно взял конверт, повертел в руках, осторожно положил на угол стола. – Кто вам угрожает?

– Если вы спрашиваете, кто именно угрожает, от кого исходит опасность... То такого человека назвать не могу.

– Его нет?

– Он есть, но я его не знаю. И он не знает о том, что станет причиной...

– Вашей смерти? – подсказал дежурный.

– Да, можно и так сказать.

– Почему же вы решили прийти сюда? – Дежурный обернулся к друзьям, откровенно прося поддержки. Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что человек, стоящий перед ним, озабочен всерьез.

– Когда меня убьют...

– Вы все-таки настаиваете на том, что вас хотят убить?

– Когда меня убьют, – повторил Пахомов, – я хочу, чтобы вы знали, где искать концы. Кроме того, я надеюсь... Если им станет известно о моем заявлении... Может, отступятся.

Дежурный помолчал, повертел в пальцах конверт, вчитался в адрес, фамилию, имя... Снова положил его подальше, будто чувствовал исходящую от него опасность.

– Пахомов Николай Константинович... Это вы?

– Да, это я. И адрес, который там указан, – мой адрес.

– Простите, – дежурный затеял долгий разговор не только из служебной добросовестности – он видел, что его приятели заинтересовались происходящим. – Итак, вы не знаете человека, который хочет вас убить... А этот будущий убийца тоже не догадывается о своем желании?

– Это не его желание. Будет приказ.

– Ах, так! – воскликнул дежурный. – Заказное убийство?

– Примерно.

– Николай Константинович, но мы не можем предоставить вам телохранителей.

– Я и не прошу телохранителей. Тем более что они бесполезны в данном случае. Речь идет не об уличных хулиганах, а о людях достаточно умелых в своем деле. И я прошу, чтобы вы сейчас, при мне, занесли в журнал сведения о моем посещении, о том, что я передал заявление для руководства. Чтобы остались следы.

– Завтра же ваше заявление будет на столе у начальства. Можете не сомневаться.

– Я хочу, – опять начал Пахомов, но дежурный его перебил:

– Вы нам не доверяете?

– Я уже ответил. Не имеет ровно никакого значения – доверяю, не доверяю... Если бы не доверял, то не пришел бы, – поспешил успокоить дежурного Пахомов, остро ощутив, как в том закипают гнев и обида. – В моем заявлении намечен путь поисков убийцы.

– Какого убийцы?! – не сдержавшись, закричал дежурный. – Что ты несешь?!

– Его имени я не знаю, но наводку даю. След.

– Чей след?!

– Человека, который убьет меня. Я не думаю, что вам придется ожидать слишком долго. Вы не хотите сделать в журнале запись?

– Я не хочу, чтобы потом надо мной смеялось все городское управление!

– Над вами не будут смеяться, – негромко произнес Пахомов. – Но вопросы задавать будут.

– Вопросы – ладно, на вопросы мы ответим, – обернувшись, он подмигнул примолкнувшим приятелям. – Запишем, занесем, зарегистрируем, – он придвинул к себе толстый журнал, отметил дату, время, с конверта списал данные заявителя. А тот сквозь стекло внимательно следил, что именно пишет дежурный. Когда он уже собрался было отодвинуть журнал, Пахомов его остановил.

– Вы ничего не записали о содержании заявления.

– И что же мне записать? – растерянно спросил тот, глядя на Пахомова уже с некоторой беспомощностью.

– Так, дескать, и так... Предупреждение о готовящемся убийстве. Вот, – удовлетворенно проговорил Пахомов, увидев, что нужные ему слова легли на страницу журнала.

– Может, вам поговорить со следователем? Кажется, кто-то из них задержался в кабинете, а?

– Мне нечего ему сказать. А ему не о чем у меня спрашивать. Ведь пока ничего не произошло. Так, – Пахомов сделал рукой неопределенный жест, – невнятные душевные волнения. Мне нужно расписаться в вашей книге?

– Если хотите – пожалуйста... Большого криминала здесь нет, а вам, думаю, будет спокойнее.

– Конечно, – Пахомов старательно поставил свою подпись, найдя свободное место под записью о содержании заявления. – Ну что ж... Все, что мог, сделал. Если возникнут вопросы – всегда рад прийти, – Пахомов произносил необязательные слова, и чувствовалось, что он тянет время, ему, видимо, не хотелось выходить из этого уютного, но безопасного помещения.

– Послушай, Пахомов, – сказал дежурный, поняв его состояние, – если ты действительно опасаясь чего-то серьезного... Заночуй у нас, а? Помещение свободно пока... Может быть, к двенадцати подселим какого-нибудь заблудшего пьяницу, – дежурный, кажется, впервые за время разговора проникся сочувствием к Пахомову.

– Спасибо, конечно... Но не стоит... Тогда мне пришлось бы оформлять здесь постоянную прописку. Я не знаю, когда это произойдет, когда...

– Может, и не произойдет?

– Дай бог, конечно... Но вряд ли.

– Тогда держись, Пахомов. В случае чего – звони, ребята у нас ничего!

Не отвечая, Пахомов махнул рукой и вышел.

Нет, не зря несколько раз дежурный задал ему один и тот же вопрос: «Вы что же, не доверяете нам?» «А вот и не доверяю, – сказал себе Пахомов. – И вы прекрасно это знаете. И знаете, почему. Вы сами себе не доверяете...»

На улице в лицо Пахомову ударил порыв ветра, брызнули холодные капли дождя с мокрой ливня, но свежий воздух был приятен после прокуренной, провонявшей хлоркой дежурки. Пахомов вышел на освещенную часть дороги и, уже не задерживаясь, направился к дому. «Погодка еще та...» – подумал он, поднимая воротник куртки. «Самый раз... Но не сегодня. Сегодня вряд ли решатся... А если еще видели, что я в милицию заходил, что подзадержался там на какое-то время... Не решатся. Доложат, посоветуются, перезвонятся. Они должны убедиться, что не возникло ничего непредусмотренного. Хотя исполнителям на все эти тонкости наплевать. Но опять же смотря каким исполнителям, ведь в конце концов отвечать придется им... Нет, если они не круглые дураки, то сегодня не тронут. А если дураки? А от дураков все равно не спасешься. Нигде от них не спасешься. На то и дураки».

Неожиданно для самого себя Пахомов впрыгнул в остановившийся троллейбус – водитель замешкался с продажей талонов, и секунды хватило, чтобы принять решение. Двери тут же захлопнулись за его спиной, и троллейбус тронулся с места. Прикинув к стеклу, Пахомов увидел метнувшегося следом человека в сером дождевике и кепке. Но тот опоздал и с досадой несколько раз ударил кулаком по дверям. Водитель остановил троллейбус, открыл двери, подождал подбежавшего мужчину. Но Пахомов в этот вечер принимал решения довольно необычные – в тот самый момент, когда мужчина входил в троллейбус, он успел выскочить на тротуар. И, довольный собой, проводил взглядом удаляющийся троллейбус. Четкий контур человека в кепке на заднем стекле убедил его, что на этот раз удалось избежать больших неприятностей.

Странно, необъяснимо вел себя последнее время Николай Пахомов. Домой старался прийти пораньше, нигде не задерживался, соседи не могли соблазнить его ни пивом, ни домино, и через свой двор он проходил озабоченно, стараясь побыстрее нырнуть в подъезд. А едва пройдя в квартиру, тут же запирает дверь на один замок, на второй и лишь после этого раздевался.

– Лариса! – кричал он из полумрака прихожей. – Ты дома?

– Где же мне еще быть...

– Какие новости?

– Горбачева за рубеж не пускают.

– Это хорошо... Меня никто не спрашивал?

– Жорка спрашивал... Сотню просил. Водка во дворе у наших ханыг уже триста рублей бутылка.

Лариса прекрасно понимала, что не этих ответов ждет от нее муж, но дерзила и посмеивалась. Она, казалось, не замечала никаких перемен, вела себя ровно, чуть снисходительно, с усмешечкой. Так ведут себя с человеком, заболевшим неопасно и ненадолго. Заметив, как Николай запирает замки на двери или старается поплотнее задернуть шторы, насмешливо стреляла глазками.

– Там еще небольшая щелка осталась, – говорила Лариса, глядя, как муж возится со шторами. Словно не чувствуя подковырки, он покорно шел к окну и поправлял штору.

– Да, – соглашался, – так будет лучше.

И, бросив на жену взгляд опасливый и затравленный, тут же отворачивался, находя себе какое-то занятие.

– Напрасно ты, Коля, все это затеял...

– Что напрасно?

– Да все эти замочки, «глазочки», крючочки... Хороший мужик, если ему очень уж захочется, плечом высадит нашу дверь вместе со всеми твоими жестянками. Что бы ни случилось, Коля, но дома, здесь... Никто тебя не тронет.

– Тебе виднее.

– Потому и говорю, – жестковато произнесла Лариса.

– Тебе виднее, – повторил Пахомов, и в этом было желание обидеть. В нем вдруг проступила нездоровая твердость, кулаки сжались, на щеках вздрогнули бугристые желваки, весь он сделался каким-то угловатым – локти и плечи как бы заострились, выступили наружу. Такие люди обычно склонны к поступкам вызывающим, к словам скандальным, хотя в жизни часто занимают место довольно скромное, работают слесарями при домоуправлениях, грузчиками в овощных магазинах, таксистами. Пахомов перепробовал немало занятий, побывал и в строителях, и в шахтерах, а задержался все в тех же водителях. Какую-то шутку с ними постоянно играет природа – при всей заносчивости, обостренной гордыне оказываются они рано или поздно в услужении, как говорится, на подхвате. Обладая врожденной добросовестностью, такие люди служат исправно, способны бесконечно долго сносить пренебрежение, насмешки и даже явное унижение, но однажды с ними происходит мгновенное и неожиданное превращение. И тогда косого взгляда достаточно, чтобы их покладистость взорвалась остро и болезненно. И никто уже не может предсказать их следующий шаг, никто не поручится, что они будут вести себя хотя бы в пределах нормального поведения. Все их существо требует возмездия за многолетние обиды, которые, конечно же, люди наносили сознательно и зловредно, они жаждут немедленного самоутверждения, их гордость, столь долго попираемая, вдруг извергается бешено, неуправляемо, приобретая формы дикие, а то и безумные. Но до этого предела Николай Пахомов, кажется, еще не дошел.

А Лариса была женщиной, которых принято называть красивыми. Наверно, они и в самом деле красивы, такие женщины – мягкие, спокойные, податливые, часто полноватые. Гладкие переливчатые волосы они нередко зачесывают назад так, чтобы открывался чистый высокий лоб. У них узкие, круто изогнутые брови, впрочем, женщины эти сами делают их такими, чувствуя, что именно брови «в ниточку» требуются для полной завершенности облика. А вот губы у них чаще бывают тонкими. Это неприятно, досадно, и они исправляют оплошность природы с помощью яркой помады, пририсовывая недостающую полноту.

У таких женщин ясный взгляд человека, который кое-что знает о вас, о тайных ваших желаниях, а то и грехах, более того, готов пойти навстречу в исполнении и желаний, и грехов. Поэтому ясность взгляда не должна вводить в заблуждение. Такие женщины пойдут на многое, на что угодно могут пойти, и взгляд их останется таким же чистым и незамутненным. Возможно, за этим стоит сила характера, уверенность в каком-то своем превосходстве, во вся-

ком случае, ближние охотно подчиняются им, понимая, что подчинение обещает обернуться какой-никакой выгодой, удачей. Но это ошибка. Если кого и ждет счастье, то настолько горькое, вымученное и издерганное, что его и счастьем-то назвать трудно. Так, маета сердечная и мука душевная. Впрочем, многие именно к этому и стремятся, именно это и называют счастьем, и, кто знает, может быть, они правы. Нельзя твердо сказать, что Лариса была именно из этих женщин, но внешне очень на них походила.

Войдя в комнату и увидев, что Николай сквозь щелочку в шторах смотрит в темноту ночи, она усмехнулась, передернула плечами, словно в этом его занятии увидела личное оскорбление.

– Знаешь, Коля, – сказала она с нервной улыбкой, – перестал бы ты метаться от окон к дверям, от дверей к унитазу... Смешно все это и глупо. Глупо и смешно.

– Может быть.

– Я уже говорила – здесь с тобой ничего не случится.

– Ты уверена?

– Да, Коля. Уверена.

– Тогда ты, очевидно, знаешь, где со мной может кое-что случиться, где со мной может кое-что произойти?

– Нет, этого я не знаю. Если бы знала – сказала. Можешь не сомневаться.

– Но случиться что-то может? – продолжал допытываться Николай, зная и следующие свои вопросы, и ее ответы, потому что такие разговоры происходили каждый вечер.

– Конечно, – ответила Лариса, тяжело вздохнув. – Но ты же сам этого хотел. Признай наконец, что все происходящее создано твоими неустанными усилиями. Как говорят, за что боролись, на то и напоролись.

– Я добивался другого.

– Чего же ты добивался, Коля? Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы у нас с тобой все было нормально. Это что, слишком много?

– Да как тебе сказать... Скучно все это. У нас с тобой все прекрасно, и эти бесконечные...

– Дело в том, Лариса, что у тебя все прекрасно не только со мной.

– О боже, – проговорила Лариса и вышла из комнаты. Пахомов слышал, как она возилась на кухне, собирая ужин, как выпала из ее рук и со звоном разбилась тарелка, как текла вода из крана. Он поднялся, выключил свет и, подойдя к окну, долго всматривался, пытаясь что-то рассмотреть среди зарослей кустов во дворе. Из их квартиры на первом этаже хорошо была видна освещенная фонарями дорожка, лужи на асфальте, изредка мелькающие прохожие под зонтиками. Ничего подозрительного, настораживающего Николай не увидел, но это его не успокоило. Так и не включив свет, он сел за стол.

Неожиданно резко зазвонил телефон. Гудки шли частые и длинные – звонили из другого города. Пахомов сидел не двигаясь. Пришла из кухни и остановилась в дверях Лариса, молча глядя на Николая.

– Может быть, я возьму трубку? – спросила она.

– Да нет, поговорю... – Николай подошел к телефону. – Слушаю. Говорите, я слушаю!

– Николай? – Голос у собеседника был густой и сдержанный.

– Ну? Николай, дальше что? – Пахомов говорил с нарочитой грубоватостью, но она прозвучала как-то по-мальчишески.

– Что хорошего в жизни?

– Ни фиги!

– Это плохо... Могу помочь... Ты же знаешь, я всегда готов тебя выручить... И выручал.

– Спасибо. Больше ничего не надо. У вас все?

– Почти... Будь добр, дай трубку Ларисе.

– Не дам.

– Ну что ж... Скажи мне, Коля, как ты решил поступить? Ты что-то затевал, а?

– Как решил, так и поступил.

– Ты хочешь сказать, что... что уже осуществил свою угрозу?

– Да, именно это.

– Жаль... Напрасно ты так сделал, Коля. Ох, напрасно. Даже не знаю, что тебе сказать...

– У вас все?

– Подожди. Не перебивай, может случиться так, что мы с тобой разговариваем последний раз. Ты уж потерпи мою старческую болтовню. Долго говорить не буду, да и монетки кончаются... Пять штук осталось... Так вот, Коля... Похоже, ты и сам не представляешь, на что замахнулся. Иначе бы этого не сделал. Рискуешь, Коля. И я честно предупреждаю.

– Я уже слышал ваши предупреждения!

– Еще послушай... Они не будут продолжаться слишком долго. Ты должен знать, что замахнулся не только на мою жизнь, но и на других людей, куда более сильных... Понимаешь? И нам ничего не остается, как защищаться. У нас семьи, малые дети, даже внуки... Мы обязаны заботиться о них... Согласен? Времена наступили сложные, непредсказуемые... Мы не можем бросить на произвол судьбы наших близких. А своим поведением ты развязываешь нам руки, Коля. Мы вынуждены идти на крайние меры, чтобы спастись, понимаешь?

– Понимаю.

– Это хорошо... Ты всегда был сообразительным. Нетерпеливым, обидчивым, но все-таки сообразительным.

– Почему был? – спросил Пахомов и почувствовал, что вопрос его прозвучал как-то смазанно, невнятно. То ли горло пересохло, а может, губы... Они плохо повиновались, как бывает после обезболивающего укола. Уверенный, спокойный, чуть сипловатый голос собеседника лишил его той злой правоты, которой он жил последнее время. Все, что делал Пахомов, этот человек легко, играючи превращал в обыкновенную истерику, и после этого отстаивать что-то становилось невозможно, оказывалось, отстаивать-то и нечего. И Пахомов невольно стремился быстрее закончить разговор, вырваться из этой паутины предостережений, добрых советов.

– Ты что-то спросил? – услышал Пахомов после некоторой паузы.

– Я спросил, почему «был»? Почему вы говорите «был»?

– Прости, Коля, сорвалось! – Собеседник усмехнулся. – Раньше времени сорвалось. Прости. И вот еще что... Я не знаю всех тонкостей в твоих отношениях с Ларисой, но, похоже, у вас не сложилось. Бывает. Она немного подышала другим воздухом, сделала всего несколько вдохов... И для нее все стало на свои места. Ваше семейное блюдо уже не склеить. Уйди от нее... Прояви гордость, жесткость, еще что-нибудь прояви... И все, мы остаемся если не друзьями, то добрыми знакомыми, всегда готовыми прийти на помощь друг другу, а? Это же прекрасно! А так она сама от тебя уйдет... Уйдет, Коля. Уходи лучше ты, это достойнее для мужчины. Ведь ты еще мужчина?

– Так что мне, заткнуться?

– Да, Коля, да! Именно!

«Что-то у него никак монетки не закончатся, – раздраженно подумал Николай. – Боится, что трубку брошу, и пудрит мозги этими пятью монетами!» Но, поняв маленькую хитрость собеседника, все-таки не решался прервать разговор. Слишком долго он выполнял каждое желание этого человека, слишком многое их связывало.

– Хорошо, я подумаю, – сказал Пахомов.

– Ты слаб, Коля. Жизнь продолжается, и где-нибудь в другом месте, с другими людьми ты окажешься сильнее. И тогда заткнуться придется им. Понимаешь? Затыкаться приходится и мне, Коля. Честно тебе признаюсь. Но сейчас – ты. Так надо. А от заявления своего откажись. Скажи, что вызвано оно ревностью, семейными неурядицами. Тебе поверят, потому что это правда. Правда убеждает. Тебя поймут. Знаешь, кто тебя поймет? Те самые люди, которым ты

и отправил свои разоблачения. Они уже получили твое письмишко... Да-да, Коля. И тут же позвонили мне, – как, дескать, быть? Я сказал, чтоб не торопились с выводами, сказал, что поговорю с тобой, а то ведь... Люди на службе, могут сгоряча и натворить всякого... А, Коля? Ты меня слышишь?

– Я вам не верю.

– Почему? – искренне удивился собеседник. – Почему, Коля? Разве я тебе когда-нибудь врал? Ты возил меня лет семь, наверно, и могу поклясться, что ни единого лживого слова ты от меня не услышал. Я вообще не вру, Коля! Я могу о чем-то умолчать, чего-то не сказать, но врать... Это так бездарно! Это невыгодно, Коля! Это неуважительно по отношению к самому себе.

– Ладно, не будем, – перебил Пахомов. – Замнем для ясности.

– Если дело в этом, если ты мне не веришь и хочешь убедиться, что я не вру... Через пятнадцать минут после нашего разговора тебе позвонит человек, которому ты и направил свои писульки. И он спросит – неужели это правда, неужели это возможно... А ты, убедившись в моей искренности, заверишь его в том, что твои писания – сплошная выдумка. Ну? Ладушки?

– Я отправил письма не только по местным адресам, – Пахомов только сейчас увидел, что в дверях стоит Лариса и давно уже с напряженным вниманием вслушивается в разговор. Правда, она слышит только его слова, но и по ним может представить все, что говорит Голдобов, а что позвонил Голдобов, Лариса, конечно, догадалась.

– Знаю! Знаю, Коля! Если еще куда отправил – разберемся. Но этому человеку ты скажешь о своей опрометчивости. Ну что, любовь и дружба?

– Нет.

Произнести это коротенькое словечко ему было непросто. Пахомов понимал, что все затеянное действительно глупо и бесполезно, но сейчас не мог вести себя иначе. Потом, когда этот разговор отойдет в прошлое, когда он не будет слышать льющиеся из трубки усмешливые слова, в самом деле разумные и убедительные, он снова наберется сил и утвердится в своем решении. Но сейчас только упрямство не позволяло ему признать поражение.

– Ох, Коля...

– У вас все?

– Еще одна монетка... Послушай меня, Коля... Если твой бунт направлен на то, чтобы отстоять Ларису... То зря. Она не сможет жить с тобой. И ты не сможешь. Я немного тебя знаю, ты ей никогда не простишь... Хочешь, расскажу немного о ее московских командировках? К кому она ездила, зачем, другие подробности... Лариса нас очень выручала. И мы в долгу не оставались. Она там приглянулась, ее заметили, оценили по достоинству. Мы уже просто вынуждены были отправлять ее в Москву гораздо чаще, чем требовалось по делу. И она всегда справлялась, блестяще справлялась со всеми своими обязанностями. Даже с теми, которые я не указывал в приказе о командировке. Она наш человек, Коля. И сама уже не сможет жить иначе. И не захочет жить иначе.

– Вы в этом уверены? – зло спросил Николай, снова обретя уверенность.

Последних слов Голдобову не следовало произносить. Это была ошибка. Дала себя знать спесь крупного начальника, который привык видеть почтительное послушание, а сейчас вынужден был уговаривать собственного водителя. Не сдержался Голдобов, оплошал.

– Да, Коля. Конечно, уверен, – ответил он после молчания, осознав, что занесло его, занесло, но было поздно.

– Вот и я хочу в этом убедиться, – сказал Николай и положил трубку.

Не прошло и минуты, как телефон зазвонил снова.

– Прощай, Коля, – услышал Николай тот же голос. – Я всегда буду помнить о тебе. Прощай, дорогой.

На этот раз Николай не успел бросить трубку. Он все еще держал ее в руке, а из нее уже неслись частые гудки отбоя.

– Он? – встревоженно спросила Лариса.

– Да.

– И что?

– Грозит. Рассказывает о твоих московских похождениях.

– Дерьмо. Много он о них знает!

– Тебе виднее.

– Коля, – проговорила она, помолчав. – Коля, послушай... Никаких московских пождений не было. Он не мог о них рассказывать, он мог только намекать. Ну?

– Намекал, – кивнул Николай.

– Как бы там ни было, Коля... Ты можешь думать обо мне все, что угодно... Но это страшный человек. Он готов на все, если почувствует опасность. Не остановится ни перед чем. У него есть люди, готовые выполнить любое приказание, Коля. Любое, – с нажимом повторила Лариса.

– Этот твой Голдобов...

– Остановись. Забудь эту фамилию и никогда не произноси ее вслух. Нигде. Коля! – Она присела перед ним, заставила поднять голову и посмотреть ей в глаза. – Ты слышишь? Нигде и никогда.

– Разберемся. – Николай поднялся, постоял, глядя в пол, и повторил: – Разберемся. – Не говоря больше ни слова, прошел в спальню и с размаху упал на узкую лежанку. Лариса осторожно прикрыла дверь снаружи. Теперь только уличные фонари освещали комнату, создавая зыбкий полумрак. Но не пролежав и пяти минут, Николай, мягко ступая в носках, прошел к окну, не впрямую подошел, а как-то наискосок, сбоку, и сдвинул край шторы. Увидел редкие светящиеся окна домов, зарево над проспектом, поблескивающую под фонарями мокрую дорожку между домами. Ни единой души в это время не было на улице. Николай зашел с другой стороны окна, но и отсюда не увидев ничего подозрительного, снова лег.

И опять не удалось ему полежать в одиночестве.

Распахнулась дверь, и в светлом прямоугольнике он увидел Ларису.

– Тебя к телефону, Коля.

– Кто?

– Не знаю. Он не назвался. Но голос незнакомый, раньше не звонил.

Николай медленно поднялся, оглянулся на окно, постоял, опустив голову, и побрел к телефону.

– Слушаю, – произнес он, стараясь говорить спокойнее. Последнее время не было у него ни встреч, ни звонков, которые можно было бы назвать приятными. За каждым звонком таилась опасность, каждая встреча была чревата угрозами, предостережениями...

– Товарищ Пахомов?

– Ну?

– Анцыферов говорит. Я получил ваше письмо... Оно написано на мое имя.

– Ну... Получили, и хорошо. Значит, почта еще работает. И ваша канцелярия работает.

– Не надо нукать. Я к этому не привык и не собираюсь привыкать. Вы говорите с прокурором города и будьте добры выражаться соответствующим образом.

– Простите.

– Так вот, ваше письмо получено. Там сделана приписка – чтобы вручили лично. Ваша просьба выполнена. А эта приписка дает мне право позвонить вам домой. Если, конечно, не возражаете.

– Чего возражать... Уж позвонили.

– Выдвинутые вами обвинения очень серьезные и направлены против людей тоже достаточно серьезных. Они не только занимают высокие должности, они народные депутаты, носители демократических перемен в обществе... Должен сразу предупредить, что если обвинения не подтвердятся, то отвечать уже придется вам. По закону, разумеется. Как быть? Как мне поступить?

– По закону, – ответил Николай, почувствовав, что ладони его взмокли. Перехватив трубку в левую руку, правой ладонью он несколько раз провел по штанине, пытаясь стереть липкую влагу. Разговаривать с прокурором города ему еще не приходилось, тем более в таком тоне. Но он уже начал дерзить, и отступать было нельзя, хотя бы потому, что этот разговор – продолжение предыдущего. Голдобов предупредил, что через пятнадцать минут последует звонок от человека, к которому он обратился за помощью.

– По закону? – усмехнулся Анцыферов. – В этом можете не сомневаться. Если письмо написали действительно вы, если вы настаиваете на всех его положениях... Ведь случается, что люди пишут под влиянием минутной обиды, слабости, по пьянке, на спор, по каким-то личным мотивам... Все это бывает, верно?

– Бывает, уж коли вы об этом говорите, – ответил Николай. «Опять начинаются угрозы, – подумал тоскливо, – сейчас будет припугивать ответственностью... Ох, и влип ты, Коля, ох, и влип!»

– Николай Константинович, прошу понять меня правильно... Я хочу убедиться, что письмо написано именно вами, что в самом этом факте нет провокации, что вы готовы поделиться своими подозрениями...

– Да уж поделился, чего об этом трепаться!

– Очень хорошо, – голос собеседника был мягок, речь лилась свободно, ему не приходилось подыскивать слова, все они у него были наготове, и разговаривать ему с Пахомовым было легко и просто. – Уж коли все подтвердилось, все, как говорится, всерьез, я завтра же подключаю следователя. Он и займется вашим письмом и вами.

– Это в каком смысле? – Николай чутко уловил перемену и в голосе собеседника, и в содержании его слов – прокурор явно нанес удар.

– В том смысле, – охотно подхватил Анцыферов, – что следователь пришлет повестку, вы явитесь на допрос, подробно расскажете обо всем, что знаете, обо всем, что написали в письме, о чем умолчали, что предпочли забыть... И так далее. Следователь запишет ваши слова, вы поставите под ними свою подпись, он предупредит о том, что ложные показания влекут за собой уголовную ответственность, а они действительно грозят уголовной ответственностью. И начнется большая, кропотливая работа. К подобным заявлениям, как вы сами понимаете, мы не можем относиться легковесно. Брошено обвинение уважаемым людям, поставлена под сомнение не только их честь, но и честность. Кроме того, мы должны быть уверены, что за вашими обвинениями не стоят козни политического характера. Есть немало людей, готовых вернуть нас к постыдному прошлому. Вы, очевидно, знаете, уважаемый Николай Константинович, что в задачу прокуратуры входит не только наказание виновных. С не меньшим усердием мы должны защищать достоинство оговоренных, оклеветанных, оболганных... Вы меня понимаете?

– Как же, как же... Очень хорошо понимаю.

– Итак, вы настаиваете на расследовании?

– Да уж деваться некуда! Слово не воробей...

– Отчего же... Если вы не уверены в тех сведениях, которые сообщаете, если у вас возникли сомнения в их истинности... Напишите записку, объясните, что обстоятельства изменились, что ваш необдуманный поступок вызван... Ну, скажем, семейными неурядицами, личной неприязнью... Да и вообще можете ничего не объяснять!

– Хорошо, я подумаю.

– Только не очень долго. У нас жесткие сроки. Прокуратура обязана своевременно откликаться на заявления граждан. Вы согласны со мной?

Вместо ответа Николай лишь тяжело вздохнул – он не поспевал за этим человеком. Тот вываливал на него такое количество слов, доводов, терминов, что переваривать все это, понимать, отвечать... Нет, у него так не получалось.

– Спокойной ночи, – заботливо проворковал Анцыферов. Наверно, с такой же вот заботой палач поправляет на плахе голову осужденного.

– Ну до чего же ловкий, – воскликнул Николай почти восхищенно. – Ну до чего же верткий! Не ухватишь ни за одно слово!

– Прокурор потому что, – пожала плечами Лариса.

Николай не мог знать того, что осторожный Анцыферов все свои разговоры строил так, что, будь они записаны, куда надо представлены, с пристрастием прослушаны... Никто не смог бы его ни в чем упрекнуть. Даже упрекнуть. И потому говорил так, что ни одна живая душа не нашла бы второго смысла, не уловила бы в его словах ни сговора с Голдобовым, ни запугиваний простоватого водителя. Все слова были выверены, произнесены с должной интонацией, в которой явственно звучало беспокойство о справедливости. И предупреждение сделал, и закон объяснил, и совет дал, как человек опытный, поднаторевший в правовых схватках.

– Как насобачился словами сучить! – продолжал зло восхищаться Николай. – Ухватить не за что! А по спине мурашки! Представляешь?! Он заботится обо мне, а у меня мурашки по спине! А мы все думаем, что бестолковые они, что дурью маются... Ни фиги! Нашему Голдобову топать и топать до этого прокурора.

Лариса быстро взглянула на мужа, видимо, не согласившись с ним, хотела возразить, но промолчала.

– Коля, – она остановилась перед ним и в упор посмотрела ясными голубыми глазами. – Ты уж извини, но я больше не могу... Я с тобой лягу, ладно?

Николай неожиданно для себя обнял ее, поцеловал в высокую теплую шею, опустил лицо в распущенные волосы, всхлипнул, не выдержав напряжения последних дней.

– Конечно, – прошептал он. – Конечно...

– Не верь этим подонкам, Коля... Они приходят и уходят, а мы с тобой остаемся... Мы ведь все равно с тобой остаемся?

– Конечно...

– Они завязли, они крепко завязли... – Лариса вдруг почувствовала, что Николай весь напрягся. Осторожно высвободившись из его объятий, она увидела, что он с ужасом смотрит в окно. Обернувшись, Лариса успела заметить лишь мелькнувшее белесое пятно чьего-то лица.

Николай бросился в коридор, схватил приготовленный у двери топорик и, откинув щеколды замков, в одних носках выбежал из квартиры.

– Куда? – простонала Лариса. – Зачем? – И присела на стул, не в силах сделать ни шагу. Из распахнутой двери тянуло свежим воздухом, со двора доносились голоса, но, сколько она ни прислушивалась, шума схватки не слышала. Это ее как-то утешило.

Николай пришел минут через пять. Молча бросил в угол топорик, снял перепачканные мокрые носки. Некоторое время рассматривал их, словно решая, как с ними поступить, потом отнес в ванную. Похоже, самые простые решения давались ему с трудом.

– Ну что, – спросила Лариса, – догнал?

– Ушел.

– Кто это был?

– Не знаю, не рассмотрел... Какая-то узкая, тощая морда... А может, через стекло так показалось. Когда я обежал дом, он уже драпал через кусты. Там мотоцикл ждал за углом... Прыгнул на заднее сиденье и был таков. Еще шлем успел надеть, падал патлатая!

– Какая падал? – улыбнулась Лариса.

– Патлатая... – Николай с удивлением посмотрел на жену. – У него длинные волосы, почти до плеч... Надо же, выругался и вспомнил. Почаще ругаться надо.

– Может, случайный человек... Пьяный... Искал кого-то... А?

– Чего ж ему удирать? А мотоцикл с заведенным мотором? Нет, Лариса, все одно к одному, все одно к одному. – Николай подошел к холодильнику, вынул бутылку водки, налил половину стакана и выпил. И остался стоять у кухонного столика, забыв поставить стакан на место. И только увидев протянутый Ларисой огурец, понял, что нужно чем-то закусить. А потом уже, поздним вечером, он замешкался, раздеваясь, не зная, куда бросить рубашку, и Лариса увидела громадный синяк на его предплечье.

– Господи, а это когда? – воскликнула она.

– Да уж несколько дней... Досталось маленько.

– Как?

– Как это бывает... Привязались трое, слово за слово... Вижу, что цепляются, повод ищут... Хорошо, успел руку подставить, удар хороший намечался... А когда увидели у меня в руке монтировку, так рванули врассыпную, что не знал, в кого запустить... Трусоватые они какие-то, а?

– Может, у них такая задача, – осторожно обронила Лариса, не глядя на мужа.

– Какая такая?

– Не доводить до крайности... Припугнуть... Так тоже бывает.

– Так-то оно так, а мне все равно достается.

– Бедный ты, бедный... Как же мне тебя утешить?

– Ложись. И утетишь. Может, хоть здесь у меня что-то получится.

– Здесь-то получится, здесь и от меня кое-что зависит, – улыбнулась Лариса. И легкий озноб пробежал по его телу, как бывало всегда, когда он слышал этот ее ночной голос.

Убийство произошло утром. И это было самым странным обстоятельством. К утру обычно страсти утихают, ненависть входит в привычные берега, а похмельные страдания располагают к чему угодно, но только не к убийству. Человек делается мягким, уступчивым и в поисках утешения готов припасть к любому плечу. Все было бы куда понятнее, случись убийство ночью, отпали бы многие загадки и недоумения, а мастера поиска и сыска сразу оказались бы в привычной своей колее. Ночью для них все проще, объяснимее – выпил лишнего, луна подействовала, телефон не отвечает, а вместо желанного голоса слышишь удручающие, безнадежные гудки, так похожие на прощальные... Ночью почти не бывает свидетелей. А если и найдется какой-нибудь подвыпивший, подзагулявший очевидец, то и доверия к нему немного, и убрать его нетрудно, если уж очень мешает. Да он и сам все это прекрасно понимает, потому помалкивает.

А утром люди приходят в себя, освобождаясь от тягостных неистовств, совладать с которыми ночью нет ни сил, ни желания, человека посещает здравость суждений или уж во всяком случае осторожность. Да и причины для того, чтобы отправить кого-то на тот свет, к утру попросту забываются, теряют злую свою убедительность.

После ночного дождя утро оказалось необыкновенно светлым – ни единого облачка на чистом, до синевы вымытом небе. Солнце сверкало в окнах, в оставшихся на асфальте лужах, на крышах легковушек. В утреннем воздухе далеко был слышен звон трамваев, редкие гудки машин, а шелест шин по влажным еще дорогам ощущался свежим и чистым.

Ночные страхи подзабылись, и Николай шагал к автобазе легко, размашисто, похлопывая по ноге свернутой газетой. Утром он не ожидал опасности и до середины дня обычно бывал спокоен. Что-то подсказывало ему, что в это время ничего с ним не случится. Только где-то в четыре, в пять часов он начинал оглядываться, старался быть среди людей.

Лариса проводила его до двери, а потом еще подошла к окну и помахала рукой в форточку, что случалось нечасто. Николай не мог видеть ее лица, и хорошо, что не видел. Скрытая отражениями в стекле и занавеской, Лариса плакала навзрыд. Вряд ли подозревая, что все произойдет именно в это утро, она гораздо лучше мужа знала людей, которым он бросил вызов. Получилось так, что весело машущая ладошка Ларисы в форточке и ее лицо в это время являли собой полную противоположность.

Треск мотоцикла многие услышали задолго до того, как он появился на перекрестке. Но никто не обратил на него внимания. В городе уже достаточно было звуков – гудел автобус, поторапливая ненавистного частника, с надсадным ревом шел на крутой подъем грузовик с бетонными плитами, скрежетал трамвай на повороте. Поэтому мотоцикл приближался к перекрестку хотя и у всех на виду, но незамеченным. Так незамеченным входит в дом почтальон, все в упор не видят дворника, оплошно забывают о водителе в пустом троллейбусе. Пыльный мотоцикл с забрызганным грязью номером, с двумя седоками, тоже какими-то пропыленными, от ботинок до круглых шлемов, шел в общем потоке транспорта, но старался держаться поближе к тротуару.

Проскочив перекресток на желтый свет, мотоцикл взял круто вправо и теперь ехал рядом с пешеходной дорожкой, иногда обдавая неосторожных прохожих водой из мелких луж. Но вода была чистая, оставшаяся после ночного дождя, и потому проклятия вслед мотоциклистам неслись не слишком яростные. Постепенно скорость мотоцикла снизилась, и теперь при желании его можно было даже обогнать, если чуть прибавить шагу.

Так они и сближались – Пахомов, беззаботно помахивающий свернутой газетой, и запыленный, словно после долгой езды по проселочной дороге, мотоцикл. Когда расстояние между ними сократилось до десяти метров, человек, сидевший сзади, вынул из-за пояса что-то продолговатое – потом никто толком так и не смог сказать, что это было. Их разделяло не более пяти метров, когда человек вытянул руку вперед вправо и выстрелил. Сильным и неожиданным ударом Пахомова отбросило в сторону, и упал он уже за пределами тротуара, на мокрую после дождя траву.

Когда прохожие подбежали к нему, он уже был мертв. Лицо его серело прямо на глазах, он пытался что-то сказать, даже произнес какие-то слова, но никто ничего не понял. Потом, уже в морге, установили, что в грудь ему вошли два полных заряда картечи, с которой обычно ходят на кабанов и медведей. Следовательно, можно было сделать вывод, что стреляли из обрезка. Расстояние было совсем небольшое, и рассеивание оказалось незначительным – свинцовые обрубки двумя плотными гнездами вошли в грудь, проломив и искрошив ребра. Значит, стреляли из двух стволов одновременно. Это утверждали и свидетели – прогремел один выстрел, но необычайно громкий, он перекрыл уличный шум и слышен был в нескольких кварталах от перекрестка.

Но что больше всего потрясло прохожих, и в этом они тоже были единодушны, – стрелявший весело рассмеялся. Верхняя часть лица его была закрыта очками, но вот улыбку, когда он оглянулся на упавшего, улыбку запомнили все. Не торжествующие крики, не проклятия и ругань – только смех.

После выстрела мотоцикл резко набрал скорость, через несколько секунд свернул вправо и скрылся за углом. В этом тоже была какая-то странность. Он не помчался по широкой проезжей части улицы, где можно было развить большую скорость, а свернул в переулок, на грунтовую дорогу, еще не просохшую после дождя. Правильно ли поступили убийцы, ошиблись ли, однако своего они добились – скрыться с глаз им удалось за несколько секунд.

Кто-то побежал вслед за мотоциклом, пытаясь на ходу рассмотреть номер, но через десяток метров понял бессмысленность своей затеи, кто-то наклонился к пострадавшему, но тут же отшатнулся, увидев кровавые дыры в груди, некоторые бросились к телефонам-автоматам, которые, конечно же, не работали – прожженные сигаретами диски, обрезанные трубки, раз-

грабленные монетоприемники, вскрытые рукой дурной и безжалостной. Разумнее всех поступил парнишка в белой шведке – вошел в подъезд жилого дома, постучал в первую же квартиру и по домашнему телефону вызвал «Скорую помощь», хотя в этом уже не было надобности. Все с тем же самообладанием он позвонил и в милицию. Как потом выяснилось, именно его сообщение оказалось самым надежным.

– Записывайте, – сказал он. – Три минуты назад совершено убийство... Перекресток рядом со сквером... Двое на мотоцикле, в шлемах. Стреляли из обреза. Номер замазан грязью... Свернули в переулок направо. Поторопитесь, пока есть свидетели, – добавил он, почувствовав недоверие дежурного.

«Скорая» приехала через десять минут – видимо, в этот ранний час у них не было вызовов. И тут же примчалась милицмейская машина.

– Вот оно как бывает, вот! – не замолкая твердила женщина. – Вот так и бывает, а вы как думали!

– Зря стрелять не станут, – раздумчиво произнес мужичок в синем спецовочном костюме. – Еще надо разобраться – кого, за что...

– Уж если пошли на такое... Это надо заслужить.

– Вот так хлопнуть средь бела дня и ищи-свищи?

– Заслужить надо, – твердил толстяк, пристально оглядывая толпу, видимо, в поисках того, кто собирается возразить. Но никто не возражал, и он опять повторял все с большей убежденностью: – И не говорите мне! Такое просто так не случается! Это надо заслужить!

– Заслужишь! – обронил молодой парень.

Санитары молча положили тело на носилки, вдвинули их в машину, захлопнули заднюю дверцу и отъехали. Прибежавший участковый вызвал дворника из соседнего дома и велел навести порядок. Дворник откровенно прикидывался дураком, делал вид, что ничего не понимает, не знает, как ему поступить, что вообще он человек темный, ни к чему не приспособленный, и даже сделал попытку удрать, но участковый проявил твердость.

– Слушай, ты! Хмырь болотный! Исполняй, когда тебе говорят, а то я тебе обещаю – будем встречаться чаще!

– А я что, я ничего...

– Засыпь кровь песком, песок сгреб и унеси. Потом это место окати водой. Понял?

– Так ведь песок найти надо!

– Помочь? – с тихим бешенством спросил участковый.

– Справимся, – недовольно проворчал дворник, но все сделал быстро, хотя не переставал чертыхаться – дескать, убирать прилегающие улицы в его обязанности не входит.

– Слушай, ты! Хмырь! Если хочешь, я тебя добью твоими же обязанностями! Ты у меня сделаешь двор образцовым, понял?!

– Ладно-ладно... Разошелся, понимаешь, как холодный самовар...

Подъехавшие оперативники из управления внутренних дел бросились искать свидетелей, спрашивать о подробностях, но ни от кого толком ничего добиться не могли. Кто ушел, не желая связываться, кто промолчал, охваченный необъяснимым страхом, а кто про себя решил, что уж если хлопнули мужика, то за дело. Но нескольких оплошавших свидетелей все-таки удалось уломать – дали они свои телефоны, позволили записать фамилии, согласились побеседовать со следователем, хотя сразу предупредили, что видели мало, помнят и того меньше, а уж судить о случившемся им и вовсе не дано.

Через полчаса уже новые прохожие, конторские, более нарядные и ухоженные, торопились мимо этого места. И никому в голову не приходило, что сыроватое пятно на траве совсем недавно, еще этим утром, было Николаем Пахомовым, неплохим парнем, но уж больно самолюбивым и обидчивым. Примерно через полчаса в кабинете прокурора Анцыферова раздался

звонок. Хотя звонили по прямому, он выждал три-четыре звонка и лишь потом поднял трубку. Звонил начальник городской милиции генерал Колов.

– Издалека к телефону бежал? – спросил усмешливо.

– Дай отдышаться, – ответил Анцыферов.

Человек, который постоянно слышал бы их разговоры, наверняка заметил бы некоторую странность – они не здоровались и не представлялись, сразу узнавая друг друга по голосу, по той доверительности, которая с некоторых пор установилась между ними. Это было удобно – посетители в кабинете, если таковые и оказывались, никогда не знали, с кем разговор, о чем. Но сегодня их кабинеты были свободны от посторонних и оба могли говорить откровенно.

– О происшествии знаешь? – спросил Колов.

– А что случилось?

– Убийство. Мне только что доложили.

– Утром? – удивился Анцыферов.

– Да, действительно, – согласился Колов. – По-моему, у нас такого еще не было.

– Кого? Как? За что? Уж если ты решил позвонить, то, очевидно, что-то из ряда вон?

– Убит некий Пахомов. Это тебе о чем-нибудь говорит?

– Нет, – ответил Анцыферов, но внутри у него что-то заныло, застонало. – Ничего не говорит. А что мне должна говорить эта фамилия, подскажи.

– Лукавишь, Анцышка! – рассмеялся Колов. – И голосом не владеешь. Убит выстрелом из обрезка, с мотоцикла. Подъехали двое прямо на улице, бабахнули и скрылись. Надо бы Илье позвонить, как ты думаешь?

– Позвони, – коротко ответил Анцыферов.

– Хитер, – опять рассмеялся Колов. – Ладно, я думаю, он сам позвонит. Он всегда все раньше нас знает. И я не думаю, что этот случай – исключение.

– Первый знает? – Первым называли бывшего первого секретаря Сысцова. Ныне он стал председателем городского Совета, но прежнее его звание осталось – в качестве клички.

– Да. Минут пятнадцать назад я сам ему сообщил.

– Как он?

– Приказал срочно бросить все силы на раскрытие преступления.

– Хм, – усмехнулся Анцыферов. – А что он мог еще сказать... Сложное дело.

– Чепуха! – оборвал прокурора Колов. – Все очень просто. Он – водитель, они – на мотоцикле... Наверняка своя компания. Чего-то не поделили, из-за чего-то поцапались... Публика пошиба невысокого, на расправу скорая. У них это быстро. Да еще целый спектакль с убийством устроили на глазах у всего города. Серьезные люди так не поступают. Я совершенно уверен – пьяницы, перекупщики запчастей, рокеры... Что-то в этом духе.

Анцыферов промолчал. Он представил себе Колова в кабинете – при полном параде, со всеми орденскими планками, с литым стриженным затылком и упругим животом. Весь он был плотный, тренированный, тренированным казалось даже его лицо – крупноватое, румяное.

– Так-то оно так, – раздумчиво проговорил Анцыферов, – но, сдается мне, возможны неожиданности...

– Ничего подобного! Все просто, как пареная репа. На улице были сотни свидетелей, все произошло среди бела дня. Тебе даже не придется подключать лучшие силы. Пусть лучшие твои силы занимаются более сложными делами. А это дело поручи какому-нибудь простачку, дай парню шанс отличиться.

– Такое убийство... И простачку? – не понял Анцыферов.

– Да! – рывкнул в трубку Колов. – Да, черт подери! Надо верить в людей, Анцышка! Глядишь, самый вроде бы тупой и безнадешный, а дело сделает как надо! Пусть покопается... Оперативников подключу... Хорошие ребята, не сомневайся в них. Крепкие, положительные,

старательные... С твоим следователем неплохо сработаются, они будут просто без ума друг от друга!

– Ну что же, – Анцыферов понял наконец, что предлагает Колов. – Есть такой следователь... Тоже крепенький, старательный... Как я понимаю, главное – чтоб он был неутомим в поисках, чтоб в версиях у него недостатка не было.

– Во-во! – одобрил Колов. – И это... приглядывай за ним. Может, помочь надо, направить, посоветовать... Не бросать же человека без присмотра. Возьми под свое личное покровительство, понимаешь? У тебя опыт, знания, да и понимание задач шире, чем у исполнителей. Будут новости – звони.

– Будут, – заверил Анцыферов.

– Своему можешь дать полную свободу действий. Пусть даже в Сочи слетает, чтобы проверить – где был Илья в это роковое утро. Разворот следственных действий нужен, понимаешь? Всеохватность. Город взбудоражен, мы должны этому убийству уделять постоянное внимание. Придут корреспонденты, может быть, тебе придется выступить по телевидению, дать заметку в газету... Но торопиться не надо. Пусть сначала твой крепыш разберется, мои крепыши поставятся... тогда и разговор будет.

– Все понял.

– Желаю успехов.

Анцыферов послушал короткие гудки, озадаченно положил трубку, да так и остался сидеть с рукой на телефонном аппарате. Окинув себя взглядом как бы со стороны, он понял, что поза у него получилась красивая. Синий костюм-тройка, галстук сине-красными полосами, такой же платочек в кармашке, и сам он подтянутый, молодежавый, с легкой проседью на висках, которая только красит настоящего мужчину... Злые языки утверждали, а в наше время злые языки самые правдивые, так вот они поговаривали, что уж раз в день, но обязательно, забегала к нему в кабинет молодая парикмахерша из соседнего салона – поправить прическу, освежить, сделать легкий массаж. Говорили и о других услугах, тем более что иногда девица задерживалась гораздо дольше, нежели требовал прокурорский пробор. Хотя, если задуматься... Комната отдыха была, в ней холодильник, душ, диван, отдельный вход-выход... Для испорченного мышления этого вполне достаточно.

Почувствовав, что рука его на телефоне слегка занемела, Анцыферов поднялся, подошел к окну, остановился, отодвинув штору и опершись рукой о подоконник. Тоже красивая поза, если смотреть от двери. За окном стояла громадная липа, под ней безобразной толпой клубились всевозможные жалобщики, сутяги, свидетели, заявители и прочая шелупонь, которая ошивалась у прокуратуры каждый божий день. Он смотрел на них с высоты третьего этажа, сквозь гардинное полотно, невидимый, скорбный и могущественный... Да, прокурор города был могущественным человеком, принимал он позы или нет, тешился с юной парикмахершей или читал ей вслух статьи Уголовного кодекса, называли его Анцышкой или каким другим непочтительным именем.

Заскучав у окна, он подошел к столу, набрал номер по внутренней связи и коротко сказал:

– Павел? Зайди.

И через несколько минут он вошел – Павел Николаевич Пафнутьев. Едва взглянув на него, сразу можно было сказать, что со следователем Пахомову явно не повезло. Нет, Пафнутьев не казался таким уж дураком или убогим, но огня в нем было немного, если вообще был в нем огонь. Выглядел смурным, какая-то угнетенность светилась в его глазах, над которыми нависал тяжелый лоб. Бывает, конечно, что хотя человек и не хватает звезд с неба, но шустростью берет, усердие проявляет, по земле перемещается с некоторой живостью. А этот... Нет, ничем похожим Пафнутьев не отличался.

Вот вызвал его начальник, пришел он... Ну, поздоровался бы, руку пожал, улыбнулся бы, к окну подошел, сказал бы какие-то слова насчет толпящихся внизу граждан, которые, похоже,

умом тронулись от безуспешных своих попыток найти правду и справедливость, о погоде что-нибудь ляпнул бы, похвалил бы начальство за нарядность, дескать, прекрасно выглядите, Леонард Леонидович... Нет. Вошел, остановился у двери, руки вдоль тела свесил, голову набок склонил и смотрит, не то затравленно, не то обреченно...

Надо сказать, что одевался Пафнутьев прилично, рубашонка хоть и заношенная, но чистая, местами даже выглаженная. Пиджак и брюки хотелось бы видеть на нем одного покроя, от одного костюма, но это не всем удастся. К тому же тесноват на нем был пиджак, тут никуда не денешься, тесноват. То ли Пафнутьев купил его таким, то ли сам располнел за те годы, пока этот костюм носил. Носовой платок при нем был постоянно и, замечали, чистый, но всегда каким-то несуразным комком, отчего карман пиджака отдувался, а стоило ему вынуть платок, на пол вываливались крошки, мелочь, обломки спичек, троллейбусные билеты, какие-то таблетки, понять назначение которых было невозможно.

С начальством Пафнутьев здоровался постоянно, когда замечал, разумеется, причем с подчеркнутой уважительностью, даже если не слышал ни слова в ответ. Некоторые утверждали, что у него и настроение улучшалось, если удавалось где-то столкнуться с Анцыферовым и хорошо, не торопясь, поздороваться, остановившись и вытянув руки вдоль тела. Впрочем, это могли быть и наговоры. Но не было, не было в нем блеска, не было привлекательности, если не для женщин, то хотя бы для мужчин. Ни у тех, ни у других ничто не содрогалось при виде Павла Николаевича. Женщины не манили его в укромные уголки, в липовые аллеи под лунный свет, в сиреневые заросли, в светелки свои, в постельки не завлекали, хотя Пафнутьев и не возражал бы. И мужчины не тащили его в свои забегаловки, а он и здесь бы не отказался. Правда, когда все складывалось, от забегаловок Пафнутьев не уклонялся, посещал. И стаканчик мог пропустить, и второй. Но пить с ним было неинтересно – не пьянел. Впрочем, нет, он пьянел, но чем больше выпивал, тем более становился нормальным человеком. И когда собутыльники теряли всяческую над собой власть, Пафнутьев выглядел как огурчик, был тверд на ногах, весел, шутилив. И только тогда, только тогда возникал вокруг него тот самый ореол некоторой привлекательности, которой ему так не хватало в каждодневной жизни.

Вот этого следователя и вызвал к себе прокурор Анцыферов. До сего дня Пафнутьев занимался несложными делами и слыл специалистом в семейных конфликтах, в бухгалтерской отчетности и торговых махинациях. Не потому, что он действительно во всем этом разбирался, а потому, что никаких других преступлений Анцыферов просто не решался ему поручить, опасаясь срама и конфуза.

– Здравствуйте, – произнес Пафнутьев, остановившись в дверях. – Вызывали, Леонард Леонидович?

– А, Паша! – обрадованно произнес Анцыферов, подошел к следователю, пожал руку, подхватил под локоток, усадил за приставной столик, участливо заглянул в глаза. – Как самочувствие?

– Спасибо. Не жалуюсь. Много доволен, Леонард Леонидович.

– Прекрасное утро, не правда ли? – Анцыферов улыбался широко, доброжелательно и с заметным превосходством, поскольку был уверен, что на такие вот необязательные слова следователь сказать ничего не сможет, недоступны они ему.

– Да, утро ничего, – согласился Пафнутьев. – Мороз и солнце, день чудесный, еще ты дремлешь, друг прелестный, – вдруг заговорил он нараспев. – Вставай, красавица, проснись...

– Остановись, – посерьезнел Анцыферов. – Что-то тебя не в ту степь занесло... На улице жара, асфальт течет, все сточные решетки уж закупорил, а ты про мороз...

– Виноват, – Пафнутьев потупил глаза.

– Паша, перестань валять дурака. Произошло чрезвычайное событие.

– Чего там стряслось?

– Похоже, убийство.

– Похоже или убийство? – уточнил Пафнутьев.

– Ведь речь идет о насильственном лишении жизни.

– Тогда убийство, – кивнул Пафнутьев, будто снял для себя какие-то сомнения. – Но я-то здесь при чем?

– Как? – возмутился Анцыферов и даже ладошками всплеснул. – Ты следователь прокуратуры. Кому же заниматься опасными преступлениями, как не тебе! Что-то, Паша, я тебя не понимаю! Ты задаешь такие вопросы, что...

– Ладно, – перебил Пафнутьев с простоватой бесцеремонностью. – Замнем. Поехали дальше. Ты же меня никогда на убийства не посылаешь, Леонард! Вот я и думаю – что же это за убийство такое необыкновенное, что ты решил послать именно меня? Чем же это я в лучшую сторону отличаюсь от всех прочих?

Анцыферов не сразу нашелся, что ответить. Он некоторое время иронически посматривал на следователя, как бы слегка его жалеючи, а сам быстро-быстро соображал, потому что вопрос Пафнутьев поставил достаточно жестко.

– Но, Паша, надо ведь когда-нибудь заявить о себе! Ты же у нас самый способный! – пошутил Анцыферов, но шутка оказалась настолько прозрачной, что он сам устыдился и, чтобы сгладить промах, похлопал Пафнутьева по руке, дескать, мы-то с тобой прекрасно друг друга понимаем.

– Самые способные в отпуск летом ездят. Вон, половина кабинетов пустые. В командировки, на совещания разные... Благодарности получают, а то и ордена. Я не прав?

– Прав, как всегда, – ответил прокурор с легким раздражением. – Дадут и тебе орден. Если заслужишь.

– Спасибо. Буду стараться.

Против желания Анцыферова разговор получался тяжелый, с какими-то обидами, с намеками на что-то недополученное. Не любил он такие разговоры, не было в них легкости, понимания с полуслова, готовности пойти навстречу, помочь.

– Значит, так, Паша... Человека застрелили час назад прямо на улице. На пересечении Карла Маркса и Миклухо-Маклая. Проезжали двое на мотоцикле и на ходу, из обреза, картечью... Представляешь? Ужас. Собрался народ, шум, крики, в наш адрес слова нехорошие прозвучали...

– Что-то новенькое, – с интересом проговорил Пафнутьев.

– Да, я тоже ничего похожего не помню. Было-было, но такого... Ни в какие ворота.

– Кого убили?

– Водитель. Некий Пахомов.

– Где-то я слышал эту фамилию...

– В прошлом личный шофер Голдобова – начальника управления торговли.

– Да? – Пафнутьев первый раз за все время разговора в упор посмотрел на прокурора, причем с таким неподдельным изумлением, что тот ощутил неловкость, будто по неосторожности оплошал, брякнул что-то неуместное. Так оно, в общем-то, и было, Анцыферов спохватился, настороженно взглянул на следователя – понял ли тот его промашку? Но Пафнутьев сидел сонно-недовольный, и, похоже, это его настроение было вызвано лишь свалившейся нервотрепкой с расследованием убийства.

– Значит, договорились, – Анцыферов поднялся, неувлимым движением одернул жилет, вышел из-за стола. – Отправляйся немедленно на место происшествия. Вернешься – расскажешь во всех подробностях.

– Так уж и во всех, – Пафнутьев тоже поднялся, неловко выпрямился у стола.

– Дело шумное. Никаких заявлений журналистам и телевизионщикам... Молчать ты умеешь, я знаю.

– У меня на сегодня люди вызваны, – Пафнутьев не пожелал услышать похвалу. – Как с ними?

– Отменяй все допросы, запросы... Понял? Отменяй.

– Было бы велено, – Пафнутьев пожал плотными плечами, скучающе посмотрел в окно. – А что... Уже кто-то вел следствие?

– Убийство совершено час назад! – отчеканил Анцыферов. – Какое может быть следствие? Что ты несешь?!

– Так это... Если тебе, Леонард, уже известно, что стреляли из обрезка, что в патронах были не пули, не дробь, а картечь, что убийц было двое, они на мотоцикле, если тебе известно, что убит водитель Голдобова... Я и подумал... Чтобы собрать такие сведения, нужно хорошо поработать.

Анцыферов смотрел на собеседника в полнейшей растерянности, но лицо на всякий случай старался держать усмешливое, как бы жалея непонятливого Пафнутьева. И мелькнула опасливая мыслишка – не ошибся ли он, подключив к расследованию этого человека? Но тут же успокоил себя – Пафнутьев просто запомнил то, что он сам, Анцыферов, ему рассказал.

– Паша, – прокурор взял Пафнутьева под локоток, проводил к двери, – Паша, что мне успели сказать, то я тебе и передал. Поможет – буду рад. Окажется информация ложной – извини, дорогой. Ты уж меня не подведи, прошу. А за мной, как говорится, не заржавеет. Понимаешь... Колов звонил, – сказал Анцыферов и сразу пожалел об этом.

– Колов? – встрепнулся Пафнутьев и осторожно высвободил локоть из прокурорских пальцев. – А он-то при чем? Ему какое до этого дело?

– Паша! Он же начальник милиции города.

– Что же, он по каждому убийству звонит? – с подозрением спросил Пафнутьев.

– Через одно. Понял? Если по одному не позвонит, то уж по следующему – обязательно. Все! Иди. Не теряй времени, его уже и так потеряно достаточно.

– А эти... Оперы и прочие?

– Все уже там. Ты вот только никак не соберешься, все дурью маешься.

– Обижаете, Леонард Леонидович!

– Катись! – И Анцыферов закрыл за Пафнутьевым дверь. Он знал – ничто так не поощряет подчиненных, как доверительная грубоватость начальства. А если еще по доброте душевной и словечко непечатное ввернуть, то некоторые просто захлебываются от счастья и приобщенности к чему-то высокому. Знал, потому что сам из таких, сам бывал польщен, услышав мат из начальственных уст.

Вернувшись к столу, Анцыферов в рассеянности побарабанил пальцами по телефону, отбросил подвернувшийся карандаш и замер, уставившись в окно. Что-то ему не понравилось в разговоре с Пафнутьевым, что-то насторожило. Отточенное годами чутье отметило не то слово какое, не то взгляд... Пафнутьев спросил о следствии, не проведено ли уже следствие... Правильно спросил, не лезь, Леонард, раньше времени со своими познаниями. Но ведь я лишь передал слова Колова... Все равно нехорошо получилось. Но, с другой стороны... Пафнутьев понятия не имеет, что именно сообщил Колов, а тот мог узнать подробности от участкового, который уже успел побывать на месте преступления. Дальше... Пафнутьев удивился звонку Колова... В самом деле, зачем тому звонить прокурору из-за какого-то убийства, если их на день случается по несколько? Мало ли кого удавили, утопили, угробили...

«А, ерунда, – мысленно отмахнулся от собственных сомнений Анцыферов. – В конце концов, Пафнутьев он и есть Пафнутьев. И не более того. Специалист по семейным скандалам и отчаянный борец с самозастройщиками. Все! Иди, мальчик, гуляй! А может, позвонить Колову? Нет, совсем ни к чему. Он попросил об одолжении? Я выполнил просьбу. Назначил на расследование человека, который никогда убийствами не занимался. Так что и ты, Колов, иди гуляй. Все, отвалите! Надоели!» – произнес мысленно эти слова, вытолкнув из себя всех,

кто внушал ему беспокойство, Анцыферов почувствовал уверенность. И чтобы окончательно избавиться от дурных предчувствий, решительно набрал номер парикмахерской.

Выйдя из кабинета прокурора, Пафнутьев постоял в растерянности, взлохматил шевелюру, поскольку думать мог только при взлохмаченных волосах, и вышел на улицу. Слепящее солнце набрало силу, и день обещал быть таким же нестерпимо знойным, как и предыдущие. Почти две недели стояла изнуряющая жара, и переносить ее становилось все труднее. Кто отсиживался дома, время от времени забираясь под холодный душ, кто уехал за город, и улицы выглядели свободнее, чем обычно. Но Пафнутьев не мог позволить себе даже снять пиджак – ему нужны были карманы для блокнота, удостоверения, ручки, проездного билета, ключей и всей той мелочи, которую служивые люди вынуждены таскать с собой повсюду. Единственное, что он сделал – снял и сунул в карман галстук, расстегнул верхние пуговицы рубашки, сразу из следователя превратившись в простого прохожего.

«Так, Павел Николаевич, – сказал он себе, заложив руки за спину и размеренно вышагивая по направлению к перекрестку. – Попробуем понять, что происходит... Спозаранку нашему Анцышке звонит генерал Колов и сообщает сведения, которые выглядят несколько преждевременными. Тем не менее осведомленность Колова в общем-то легко объясняется... По своим каналам узнал. Хорошо, допустим...»

Пафнутьев остановился перед светофором, дождался, пока вспыхнет зеленый, пока промчатся отчаянные водители, испытывающие судьбу красным светом, и лишь после этого перешел улицу.

«Продолжим, Павел Николаевич... Как бы там ни было, убийству придается большое значение в высших кругах нашего города. Но что делает Анцышка? Он назначает следователя не просто неопытного, но и весьма недалекого, то есть тебя, Павел Николаевич».

Пафнутьев не боялся употреблять по отношению к себе самые жесткие слова, его самолюбие это нисколько не затрагивало. Он прекрасно знал, что о нем думает тот или иной человек, как оценивает его умственные способности, как относится к его одежде, привычкам, внешности. Возможно, его интуиция пересиливала ум, а может быть, ум был замаскирован настолько тщательно, что никак не проявлял себя даже в самых необходимых случаях. Как бы там ни было, Пафнутьев после трех минут общения уже знал, что Анцыферов считает его если и не туповатым, то явно неспособным к работе, требующей смекалки, хватки, быстроты. Но Пафнутьев никогда не пытался исправить впечатление о себе в чьих-то глазах. Ему доставляло удовольствие оставаться как бы неузнанным, непонятым. Может быть, именно эта черта характера и привела его когда-то в следственные коридоры. Во всяком случае, его не тревожило, как глубоко он пал в тех или иных представлениях, вполне довольствуясь тем, что сам к себе относился неплохо, кое за что даже уважал себя, принимал от себя поздравления, такое тоже случалось. Наверное, это было тщеславие.

«Что происходит... К расследованию Анцышка подключает не многоопытного Дубовика, не Чистякова, необычайно самолюбивого и гордого, а потому неутомимого, не разгорающуюся звезду Спицкого... Нет, он назначает тебя. Вывод? А вывод простой – у Анцышки появился свой человек... И ему требуется место. А ты, завалив расследование, такое место освободишь... Ох и умный ты, Павел Николаевич, до чего же ты все-таки умный!»

На месте убийства уже ничего не напоминало об утренних выстрелах. Спешили по своим делам прохожие, по тому месту, где лежал несчастный Пахомов, несколько раз прошла поливальная машина, от горячего асфальта вода поднималась паром и высыхала прямо на глазах. Рядом прохаживался взмокший на жаре участковый, невдалеке, в тени деревьев, лакомились мороженым оперативники, присланные уголовным розыском. Ждали указаний. Едва взглянув на них, Пафнутьев утвердился в своих подозрениях – от него ждут провала. Оба они, Ерцев и Манякин, были известны нерасторопностью, если не сказать бестолковостью. Вряд ли о ком-то

еще рассказывали столько забавных историй. «Компания, однако же, подбирается еще та... – подумал Пафнутьев. – Если явится Худолей в качестве эксперта, то можно сливать воду...»

– Привет, Паша! – раздался радостный возглас, и кто-то хлопнул его сзади по плечу. Пафнутьев обернулся. Так и есть. Худолей. Длинный, с нервно искривленным ртом, в облаке легкого перегара, с какими-то по-бабьи несчастными глазами. Не то умолял понять и простить, не то пытался внушить сочувствие к своей незадавшейся судьбе, но оба предположения были ошибочными. Пафнутьев прекрасно знал, что за этим просящим выражением – Худолею наверняка не хватало на бутылку водки.

– Рад тебя видеть, – ответил Пафнутьев и направился к участковому. Тот, похоже, был здесь самым толковым человеком, но и от него ничего нового узнать не удалось. – Так, – проговорил Пафнутьев. – И это все? – поскольку Пахомов, отброшенный зарядом, упал на траву, на тротуаре были нарисованы лишь его ноги.

– Они даже не остановились. На ходу бабахнули и сразу в переулок. И ищи-свищи.

– Какой мотоцикл?

– А черт его знает! Я попытался опросить кое-кого... Говорят, старый. Как я понимаю, он был не столько старый, сколько грязный. И это не случайно, грязь оправдывала и то, что номера прочитать невозможно, и цвет не все увидят, и модель не рассмотрят... Готовились ребята, это однозначно.

– А седушки? – спросил Пафнутьев, уже догадываясь об ответах.

– Паша, ты знаешь, как они ездят... Шлем с очками закрывает все лицо. Единственное, что можно сказать, – глушитель на мотоцикле не был снят. Нынешние пизоны его снимают, чтоб треску было больше, этот треск приводит их в восторженное состояние. Так вот, здесь глушитель был на месте. Грамотно, в общем-то, зачем шум поднимать.

– Сколько было выстрелов?

– Знаешь, могу ошибиться, но кажется, дуплетом из двух стволов. Я видел этого парня, когда он еще здесь лежал... Тут в другом странность, – участковый посмотрел на Пафнутьева, словно проверяя, готов ли тот воспринять то, что он скажет. – Они смеялись, эти мотоциклисты.

– Как смеялись?

– Свидетели говорят, что весело. Оглянулись, увидели, что парень упал, и просто залились счастливым смехом.

– Дичь какая-то, – пробормотал Пафнутьев. – А что это за переулок? Тупиковый?

– Не ищи легких решений, Паша. Конечно, нет. Рядом с этой улицей, за домами, идет другая, из частных домиков. А с этой она соединяется перемычками, переулками то есть. Они могли свернуть в переулок, проехать квартал по той улице, снова выехать на асфальт и уже спокойно отправиться восвояси. Мало ли мотоциклов шастает по улицам.

Пафнутьев обернулся к оперативникам. Расправившись с мороженым, они подошли и остановились рядом, чем-то похожие друг на друга. У обоих во взгляде была преданность и готовность немедленно что-то делать – пусть только Пафнутьев скажет, пусть только направит их. И еще они выглядели слегка виноватыми – вместо того, чтобы искать убийц, лакомились мороженым и их застали за этим. Худолей курил в сторонке, сплевывал под ноги и растирал плевки подошвой. На Пафнутьева он поглядывал несчастными глазами и словно умолял пощадить, учесть жестокое его похмельное состояние.

– Виталий! – резко сказал Пафнутьев, и Худолей вздрогнул всем своим немощным телом. – Быстро! С крыши вон того дома нужно снять весь перекресток. Чтоб как на ладони. Понял? И с крыши того дома.

– Паша, я не уверен, что есть лестница...

– С чердака заберись.

– Там же все перекрыто!

– Найди слесарей, коменданта, домоуправа... Они откроют. Вот это место – крупно. Но с привязкой к местности. Чтобы был в кадре угол киоска или крышка люка, что угодно. Когда подойдет троллейбус, попроси водителя задержаться, заберись на крышу и сними место происшествия. Понял, да? Дальше... Что было перед глазами у преступников в момент выстрела. И еще – что видел пострадавший, какой вид открывался перед ним.

– Это же на два дня работы, Паша! – в ужасе воскликнул Худолей. – Это для целой бригады экспертов... Это...

Пафнутьев терпеливо молчал, глядя на Худолея, и тот остановился сам. Открыл сумку, вынул фотоаппарат, повертел его в руках, будто не мог понять – что это за штуковина такая?

– Ладно, – сказал. – Я попробую...

– Виталий! Пробовать не надо. Одна попробовала...

– И что? – с интересом спросил Худолей.

– Сам знаешь. Она была очень озадачена результатами своих проб. – И, не слушая жалобных причитаний эксперта, Пафнутьев зашагал к переулку. Оперативники потоптались, перегнулись и потянулись за ним.

– Паша, – не выдержал один из них, – нам за тобой идти или как?

– Вы уже были здесь? – обернулся Пафнутьев.

– Да нет, дело в том, что...

– Почему?

– Тебя ждали, Паша! Мы подумали, вот придет товарищ Пафнутьев, во всем разберется, даст задание... Тебя ждали.

– Зачем?

– Ну как... Я же сказал... Чтоб все было по порядку.

– А мороженое где брали?

– Ну как где... Купили... В киоске продавали. На той стороне площади. Там, у сквера... Наверно, уже кончилось. Жара...

– Значит, за мороженым смотаться успели, сообразили и меня дожидаться не понадобилось? Ладно, начинаем... Осмотреть переулок, опросить жителей. Тут живут частники, они встают рано, могли видеть мотоцикл... Кто на нем ехал, куда, где свернул и в какую сторону. Может, по дороге с него кто-то соскочил или на него кто-то вскочил, может, они раньше этот мотоцикл видели или знают, кто его хозяин... И так далее. Ясно? Вперед. Виталий! – крикнул Пафнутьев, обернувшись к эксперту. – Хватит стонать, иди сюда... Пейзажи снимешь потом, в нерабочее время. Твоя задача – пройти по проезжей части переулка. Видишь, асфальта нет, дорога грунтовая. Где-то наверняка отпечатались колеса. Понял? Не может такого быть, чтобы после убийства у них руки не дрогнули. А если дрогнут, то обязательно съедут с наезженной колеи. Смотри, вот тебе для начала! Едва свернули с улицы, как тут же выехали на пешеходную дорожку... Видишь? Ну, скажи хоть – видишь?! – закричал Пафнутьев, потеряв терпение, – не мог он смотреть на понурого Худолея, который только сейчас, кажется, начинал понимать, по какому поводу здесь оказался.

– Вижу, – кивнул он. – Очень хорошо вижу... Ясно так, отчетливо.

– А резкость?

– Да, и резкость хорошая. Только это, Паша... А если это не они проехали? Ведь может такое быть? Вдруг окажется, что они вовсе и не убийцы, которых ты ищешь так настойчиво и целеустремленно?

– Шутишь, да? Значит, просыпаешься. Слушай меня – всю ночь шел дождь, убийство совершено около часа назад, сейчас еще утро... Большая вероятность, что именно они пальчики свои оставили.

– Протекторы, – поправил Худолей.

– Правильно. Протекторы. Молодец. Умница. Виталий, проползи вдоль переулка на брюхе иними все самые малые кусочки протектора, самые малые отпечатки. Смотри, вот четкий след... Но какой-то вихляющий. Они поторопились набрать скорость и не вписались в поворот. Смотри, как их вынесло к забору! Они просто врезались в него! Видишь? Спрашиваю – видишь?!

– Вижу, – кивнул Худoley.

– На заборе осталась полоса – они теранулись о доски. Соскобы, понял? Соскобли – и в лабораторию. Пусть установят, что это за темная полоса. Смазка, грязь от ботинка, примеси бензина, масло машинное... Кроме того, они сами должны удариться об эти доски и оставить ворсинки, шерстинки, нитки, кусочки искусственной кожи, если были в куртках... Но снимки, Виталий, снимки я должен иметь сегодня к вечеру.

– Ха! Скажите, пожалуйста! Он должен иметь к вечеру! – В голосе Худoley появились капризные нотки. – А что буду иметь к вечеру я?

– И ты будешь иметь. Обещаю.

– Точно? – Худoley недоверчиво посмотрел на следователя. – Тогда, Паша, совсем другое дело. А теперь иди к этим недоумкам, к этим любителям мороженого. И не мешай мне. Иди, Паша, иди.

Переулок казался тупиковым, но в зарослях кустарника, в ветвях деревьев, свисающих из-за заборов, скрывался поворот. Пройдя переулок до конца, Пафнутьев опять увидел след мотоцикла. Здесь, видимо, следили за порядком и, чтобы не было грязи, присыпали дорожку песком. Он помахал Худoley, подзывая его к себе. Тот подбежал, запыхавшись. Лоб его то ли от жары, то ли от вчерашнего перебора покрывали маленькие капельки пота.

– Виталий, смотри... Отпечаток... Откладывать нельзя, песок высохнет, и отпечаток осыпется... Щелкни, а потом дуй к забору...

Но самое удивительное поджидало Пафнутьева, когда он прошел метров тридцать за поворот. Здесь след мотоцикла обрывался. Шел четкий отпечаток, и вдруг исчезал. Казалось, в этом месте седоки встали и дальше пошли с мотоциклом на руках. Но тогда остались бы следы человеческих ног. Однако не было и их. Ровная поверхность песка, прибитая ночным дождем, и след протектора, словно обрезанный ножом. Рядом шли отпечатки шин какого-то грузовика, но с ними ничего не произошло – они так и тянулись вдоль улицы.

Подшли оперативники и дружно доложили, что никто из жителей мотоцикла не видел, шума мотора не слышал и потому ничего полезного сказать не может.

– А мы, говорят, от шума деревьями отгородились, поэтому если кто и пройдет, то нам и не слышно, и не видно, – сказал Ерцев, показав на густые деревья, которые росли вдоль заборов.

– А потом, говорят, улица рядом, и даже если чего услышишь, то не поймешь – там ли кто газу поддал или по нашему переулочку проехал, – добавил Манякин.

– У кого-нибудь в этих домах есть мотоциклы? – спросил Пафнутьев.

– А кто их знает, – пожали плечами крепкие, румяные оперативники. – Надо уточнить.

– Кто-то мешает?

– Да никто... Было бы указание.

– Считайте, что оно у вас уже есть. Начинайте. Один берет правую сторону улицы, другой – левую.

– А кому брать правую? – спросил Манякин.

– Конечно, тебе.

– Почему?

– А потому! – ответил Пафнутьев серьезно.

– Ну, тогда ладно, – кивнул Манякин, будто уяснил для себя что-то важное. Повернувшись к Ерцеву, он развел руками – вот так-то, брат!

Пафнутьев посмотрел вслед неторопливо удаляющимся операм, вздохнул протяжно, снова склонился над следом протектора.

– Повезло тебе, Паша, с операми, – посочувствовал Худолей. – Те еще оперы.

– Да мне и с тобой повезло.

– А что я? Я в порядке! Знаешь, какой я фотограф? Нет, скажи – знаешь, какой я фотограф?

– Тебе на резкость сегодня не нужно наводить? – усмехнулся Пафнутьев.

– А, вон ты о чем... Я уже с утра, Паша, свою резкость в порядок привел.

– На заборе нашел что-нибудь?

– Ох, забыл! – Худолей трусцой побежал к забору, в который врезались утренние мотоциклисты.

– Да не по следам же! – простонал сквозь зубы Пафнутьев. – Затопчешь!

– Не бойсь, Паша, я их уже на пленку заснял. Не бойсь. Все у нас с тобой будет прекрасно. Ты даже удивись. Преступников мы возьмем тепленькими. И одного, и второго.

– Пока я вижу только одного тепленького.

– Нехорошо говоришь. Очень плохо. Ведь я знаю – совесть тебя, Паша, просто замучает. Ты же спать не будешь, пока не позвонишь и прощения не попросишь за свои несправедливые слова. Но лучше не звони. Считай, что я тебя простил. И надеюсь на взаимность. Ведь я могу надеяться на взаимность?

– Конечно, Виталий. Сказал, будет, значит, будет.

– Все, Паша! Бегу! Даже если на том поганом заборе ничего не найду... Да я знаешь что сделаю... Со своей куртки соскобы соскоблю! Собственной кровью доски повымажу! Морду свою отвратную в грязи отпечатаю, чтоб легче тебе было злодея изловить! Бегу!

И, неловко вскидывая коленки, Худолей побежал какими-то прыжками разной длины – то далеко прыгнет, то чуть ли не на месте остается, но к забору тем не менее приближался.

– Крепко же тебя похмелка прижала, – пробормотал следователь озадаченно.

Возвращался Пафнутьев один. Медленно вышел из переулка, постоял на перекрестке, на том самом месте, где сделал последние свои шаги по земле Николай Пахомов. «Вот здесь, у этого киоска, и настигла его картечь, как утверждает прокурор Анцыферов, – не без ехидства подумал Пафнутьев. – Ну что ж, начальству виднее».

Была во всем случившемся странность, которая не давала следователю покоя. Он чувствовал, что, найдя ей объяснение, поймет остальное – зачем понадобилось совершать убийство среди бела дня, на глазах прохожих? Какой смысл в этой театральности, вызове, в этом кураже?

Понимаю – решили парня убрать. Заслужил ли, знал ли что такое, чего знать ему было не положено, плохо хранил чужие секреты, неважно. Главное – решили убрать. Но ведь можно его подстеречь и на дальнем перегоне, можно остановить на трассе, в лесу... Вон недавняя история... Какой-то шизик пятерых водителей убил, мстил за что-то оскорбительное. Останавливал машину, просил подбросить на окраину города, садился на заднее сиденье. И в момент остановки в безлюдном месте стрелял водителю в затылок из малокалиберного пистолета. Выстрела почти не слышно, водитель падал на руль, шиз выходил и исчезал.

Здесь же нечто вопиющее. Фильмов насмотрелись, что ли? Там на каждом шагу происходит что-то похожее... Неужели подростки? – осенило Пафнутьева. – Да и свидетели рассказывают, что после выстрела они смеялись, выкрикивая что-то озорное...

Но водитель директора – не просто шофер, это доверенное лицо, помощник, хранитель семейных и деловых тайн своего шефа. Вряд ли он мог связаться с какой-то шелупонью, у них не могло быть общих дел, интересов, конфликтов... Но чтобы вот так, с мотоцикла, на ходу, влепить в грудь заряд из обреза, который к прицельной стрельбе вообще не приспособлен...

Сноровка нужна. Хладнокровие. Натасканность... Нет, это не подростки. Те увлечены скоростью, самими собой и подружками, которые повизгивают за спиной на крутых виражах.

«В то же время, – продолжал бормотать про себя Пафнутьев, – мы должны признать, что на подобное не идут без предупреждений. Наверняка чего-то от него добивались и, лишь убедившись в бесполезности, могли пойти на крайние меры. Если, конечно, это не шалость, не картежный проигрыш, не риск ради риска...»

Оперативники ушли, получив задание. Жена, дети, работа, начальство, автобаза, собутыльники, любовницы, слабости и увлечения – все это должен был проработать Манякин, сам вызвался. Ерцеву достались рокеры, моторынок, дорожники, гаишники. В конце концов, надо плясать от того, что мотоциклисты – люди дорог, и появилась у них в последнее время забава – стрелять на ходу из обрезов по дорожным знакам. Вокруг города не осталось ни одного не расстрелянного знака. А в таких случаях происходит неизбежное – рано или поздно шалунам надоедает стрелять по бессловесным жестянкам, хочется кой-чего острее, рисковее.

«Но среди бела дня? – который раз воскликнул про себя Пафнутьев. – Вот загадка! Вот что не вписывается ни в какую схему! Рокерная публика смела и отчаянна в стае, среди своих». Ему приходилось иметь дело с этими бесстрашными владыками ночных городов – когда они в стае, к ним лучше не подходить, друг перед дружкой выпендриваются. А один на один – и смотреть не на что. Трусоваты.

Есть надежда, что у Худолея получатся снимки протектора. Но они заработают, когда найдется мотоцикл. А это непросто, мотоциклисты носятся без номеров, крадут машины друг у друга, одалживают, меняются колесами, шлемами, колясками...

Что еще? Худолей настрогал с забора щепок – на них могут обнаружиться следы мотоцикла, ворс от куртки, кровь... Но все обретет доказательный смысл лишь с появлением подозреваемого... Вот тогда обследуем его, определим группу крови, с пристрастием осмотрим мотоцикл...

А пока... Полная неопределенность. Но надо что-то доложить Анцыферову. Мечется, наверно, по кабинету в ожидании новостей. Уж если его потревожили сверху, не успокоится, пока не доложит о победе. Очень любит докладывать о всевозможных свершениях. И правильно, это надежный путь наверх. Пусть о неудачах и срывах докладывают другие. Анцыферов прекрасно знает, что отсвет провала неизбежно ложится тенью на человека, который сообщил о нем. Не зря древние правители казнили гонцов, приносящих печальные вести.

По дороге Пафнутьев решил заглянуть еще в одно место – был у него заветный человек, с которым ему было необходимо переброситься несколькими словами, чтобы вернуться в мир естественных понятий, далеких от кровавых происшествий. Это был Аркадий Халандовский, носитель здорового и насмешливого отношения к чему бы то ни было. Если он и приворовывал, то даже с неким чувством правоты, полагая, что обязан это делать, чтобы не выглядеть белой вороной. Он мог быть щедрым и не скрывал того, что это недорого ему обходится. Халандовский знал многих влиятельных людей в городе, и далеко не со всеми у него были добрые отношения. Но вел себя осторожно, на рожон не лез, храня чужие тайны и собственное благополучие.

Подойдя к небольшому гастроному, занимавшему первый этаж жилого дома, Пафнутьев воровато оглянулся, втянул голову в плечи, сразу сделавшись меньше и зависимее. В магазине, не оглядываясь по сторонам, прошмыгнул мимо продавца и скрылся за тощей картонной дверью. Продавщица покосилась на него, но, видимо, повадки Пафнутьева отвечали ее представлениям о людях своих, надежных, и она даже не спросила, кто он, куда направляется и вообще по какому такому праву проникает на запретную территорию.

А Пафнутьев бочком, бочком, как это делают люди невысокого положения, но пользующиеся благосклонностью торговых, транспортных, гостиничных и прочих служб, мимо ящи-

ков, коробок, банок протиснулся к двери, на которой была прикреплена маленькая фанерная дощечка с надписью: «Директор А. Я. Халандовский». Осторожно толкнув дверь, с выражением шаловливым и самую малость заискивающим, Пафнутьев заглянул внутрь, готовый тут же уйти, если окажется некстати.

– А я – Пафнутьев, – сказал следователь.

– А я – Халандовский, – улыбнулся смуглый мохнатый мужчина. Это была их обычная форма приветствия. Произнося «А я – Халандовский», он просто называл свои инициалы и фамилию. – Заходи, Паша, рад тебя видеть, – полноватый директор, влившийся в затертое кресло, сделал попытку подняться, но тут же снова упал на сиденье. – Что-то давно тебя не видать? Все ловишь?

– Ловлю, Аркаша, ловлю! Без сна и отдыха.

– Садись, отдыхай... – Халандовский приглашающе махнул рукой в сторону свободного стула. – Слышал, у нас тут на углу сегодня утром ахнули одного?

– Вся прокуратура гудит об этом! Начальник милиции с утра прокурору нагоняй дал, – Пафнутьев сознательно выдавал служебную тайну. И Халандовский, конечно, оценил доверие следователя. – Кого ахнули, Аркаша?

– Лукавишь, – усмехнулся Халандовский. – Уж если в дело вмешался генерал Колов, если твой недоделанный Анцыферов тебя ко мне посылает...

– Сам пришел, – успел вставить Пафнутьев. – Никто не посылал.

– Тогда ладно... А кого порешили при ясном солнце и скоплении народа... Персонального водителя директора управления торговли Голдобова. У самого же Голдобова – железное алиби. На юге он. В Сочи. Отдыхает.

– А при чем тут алиби? – невинно спросил Пафнутьев. – Разве оно ему требуется?

– Не знаю, как в данном случае, – Халандовский из-под мохнатых бровей испытующе посмотрел на Пафнутьева, прикидывая, насколько можно довериться. Его большие, чуть навывкате глаза, наполненные непреходящей грустью, выдавали, как больно и огорчительно видеть ему текущую вокруг жизнь. Уши директора гастронома настолько заросли и снаружи, и внутри, что Пафнутьев постоянно удивлялся, обнаруживая, что Халандовскому как-то удается слышать слова собеседника. Из носа у него тоже торчали пучки шерсти, и опять удивительно – как он может дышать? И из распахнутого ворота рубахи выпирала мохнатая грудь, вздымавшаяся мерно и тяжело. – Не знаю, насколько ему нужно алиби в данном случае, – Халандовский настораживающе поднял волосатый указательный палец, – но иногда оно требовалось ему позарез. И всегда находилось. Ты меня понял, Паша? Алиби у Голдобова было всегда, есть оно у него и сейчас.

– Так, – протянул Пафнутьев, втискиваясь в угол кабинетика, выгороженного, по всей видимости, из спальни бывшей здесь когда-то квартиры. – Обычно персональным водителям много известно, но воспитание не всегда позволяет им с должной осторожностью относиться к своим знаниям.

– Как приятно поговорить с умным человеком! – воскликнул Халандовский с искренним восхищением.

– А чем занимается водитель, когда начальник в отпуске?

– Видишь ли, Паша, у Голдобова с водителем были отношения... Хорошие. Настолько, что они и в отпуск ездили вместе.

– Ишь ты! Что же это за дружба такая? Уж не любовь ли?

– Ни то, ни другое, Паша, – Халандовский в упор посмотрел на следователя. – Для дружбы у него есть более влиятельные люди... Твой шеф, например.

– Анцыферов?!

– Паша, я стараюсь не произносить вслух имен больших людей. Не надо. Это... чревато. Ты, к примеру, выскажешь восхищение, а кому-то покажется, что в твоём голосе прозвучало осуждение, издевка.

– Ну хорошо, для дружбы у него были люди... С этим ясно. А для любви?

– Ты ещё не говорил с женой пострадавшего?

– Нет. А что?

– Поговори, – Халандовский потупил глаза.

– Даже так? – озадаченно проговорил Пафнутьев. – Даже так... Странные нравы, я смотрю, в торговой сети... Наводят на размышления.

– Тебя только наши нравы изумляют?

– Да нет... Нельзя же каждый день с утра до вечера изумляться... Для этого надо быть немного дураком.

– Значит, тебе поручено это дело? – спросил Халандовский, не поднимая глаз, словно бы стесняясь собственной проницательности.

Пафнутьев встал, распахнул пошире форточку, снова сел, оглянулся по сторонам, но прежде, чем понял, чего ему хочется, Халандовский опустил руку и, нащупав что-то в маленьком холодильнике, поставил на стол бутылку минеральной воды, придвинул стакан.

– Пей, Паша... Жарко... Эта жара меня доконает... Ты извини, но должен подойти один человек... Если он увидит тебя здесь, если узнает, кто ты, то больше не придет. А мне бы этого не хотелось, мне бы хотелось, чтобы он почаще заглядывал.

– Понял. Ухожу.

– Говори, Паша... Тебе ведь что-то нужно?

– Бутылка.

– Ты же не пьешь! – удивился Халандовский. И тут же поправился: – Ведь ты только со мной пьешь!

– Эксперту пообещал.

– Чтобы лучше следы прочитывал?

– Совершенно верно.

– Но ведь после бутылки... Он увидит следов в два раза больше!

– На это я и надеюсь, – усмехнулся Пафнутьев.

– Куда идем, Паша?

– Когда-нибудь оглянемся.

– Оглядываться будем уже не мы, – Халандовский ленивым движением полной смуглой руки открыл тумбочку, пошарил там и поставил на стол бутылку водки, держа ее за кончик горлышка. – Одной хватит?

– Вполне, – Пафнутьев щелкнул замком потрепанного портфеля и среди бумаг аккуратно положил бутылку, чтоб не разбилась при случайном ударе, чтоб не раскололась в трамвайной толчее, чтоб цела осталась, если упадет невзначай портфель со стола, сброшенный рукой равнодушной и бестолковой. И полез в карман.

– Не надо, Паша, – остановил его Халандовский. – Ей-богу, это немного смешно.

Пафнутьев заколебался, посмотрел в тоскливые глаза Халандовского, но, пересилив что-то в себе, вынул кошелек.

– Знаешь, Аркаша, все-таки возьми. Я думаю не о твоих расходах. О себе пекусь. И в будущем я надеюсь пользоваться твоим расположением, злоупотреблять твоими возможностями и добрым отношением... А если начну слишком уж... Твое расположение пойдет на убыль. Этого я опасаюсь больше всего.

– Паша, если бы ты знал, как иные пользуются моим расположением, как злоупотребляют...

– Не хочу им уподобляться.

– Как знаешь, – Халандовский все с той же ленцой взял деньги и, оказывая уважение гостю, запихнул их в раздутый кошелек. – Зайди как-нибудь, посидим... А?

– Зайду, – пообещал Пафнутьев, поднимаясь. – Обязательно зайду. Посплетничаем, о чужих женах посудачим, о дружбе и любви.

– Это всегда интересно, – ответил Халандовский. – Значит, все-таки подсунули тебе этого водителя?

– Подсунули, Аркаша.

– Но это же не твой профиль?

– В том-то и дело... Я тоже в недоумении.

Словно забыв о госте, Халандовский рассеянно смотрел в окно, и лицо его, усыпанное солнечными зайчиками, пробивающимися сквозь листву деревьев, казалось значительным и скорбным. Маленький вентилятор гнал струю горячего воздуха, тронутые сединой волосы Халандовского слегка шевелились на искусственном ветерке, полуопущенные веки создавали впечатление не то крайней усталости, не то сонливости, но Пафнутьев знал – это высшая сосредоточенность. Отрешившись от будничных подробностей, суеты, Халандовский в такие моменты проникал в суть грядущих событий. Вот он встряхнулся, поморгал глазами, вздохнул.

– Рисуешь, Паша. Голдобов на взлете. Начальник... Народный избранник... Демократ... На митинге при массовом стечении народа сжег партийный билет, отрекся от проклятого прошлого... Метит в Москву... Обычно Голдобов не идет на крайние меры... А если он на них пошел... Ты в зоне риска, – Халандовский поднял заросший указательный палец.

В кабинете, помимо Пафнутьева, сидели еще двое следователей – у каждого небольшой столик и общий телефон. Естественно, когда они собирались вместе, работать было невозможно, поэтому все стремились поменьше бывать в кабинете и все, что можно, выполнять на стороне. Действительно, допрашивать одновременно трех человек, когда один признается, второй запирается, третий пудрит следователю мозги...

Но самым забавным в комнате были разбросанные повсюду вещественные доказательства. Новому человеку, впервые попавшему сюда, было явно не по себе, когда он видел окровавленную рубашку, свисавшую со шкафа, топор, завернутый в газету с подозрительными бурыми пятнами, затертый лифчик, давно уже пылившийся на подоконнике. В углу стоял опечатанный бидон с самогоном, у стены – радиатор с ключьями ткани и с пятнами, «по виду напоминающими кровь», как было сказано в протоколе. Тут же валялись поношенный женский сапог, пробитое цинковое ведро, самодельный нож невероятных размеров – похоже, умелец собирался сделать меч, но еще до окончания работы вынужден был пустить его в дело. На стене висел расколотый мотоциклетный шлем, из-под стола Пафнутьева торчала лошадиная нога со сбитой подковой, в шкафу на полочке лежал высохший человеческий палец, словно бы в ожидании, пока явится за ним хозяин. Все это были молчаливые свидетельства происшествий, которые расследовались хозяевами кабинетика. Конечно, вещественным доказательствам положено лежать опечатанными и неприкосновенными, чтобы не видели их ни свидетели, ни потерпевшие и не могли бы, увидев эти предметы, поправить свои показания. Но следователи даже не мечтали о других условиях, поскольку никогда других условий и не видели.

Войдя в кабинет, Пафнутьев в дальнем углу у стола увидел зареванную женщину с синяками на полной руке, а перед нею – проникновенного Дубовика, в глазах которого было столько боли и сочувствия, что любой бы разрыдался на месте женщины.

– Старик, – Дубовик оторвался от протокола, – что произошло? Каждые две минуты забегает шеф и задает один и тот же глупый вопрос – где Пафнутьев? Будто это не кабинет, а туалет... Ты бы зашел к нему, успокоил.

– Надо же, – проговорил Пафнутьев, усаживаясь за стол.

– Я сказал, что, как только появишься, сразу отправляю тебя к нему... Что там случилось?

– А! – Пафнутьев махнул рукой, поставил в угол портфель, помня о его содержимом. – Прихлопнули одного... Вот и беспокоится. Любопытно ему.

– Как, сегодня? Так ведь это... Утро!

– Жизнь. – Пафнутьев развел руками. Что-то заставило его замолчать, и вовсе не женщина была тому причиной. Обычно они и при посторонних могли обменяться незначущими подробностями. Но сегодня, едва он заговорил об убийстве, возник в памяти настораживающий мохнатый палец Халандовского.

– Тоже верно, – согласился Дубовик, и снова нос его завис над строчками протокола. Нос у Дубовика с годами не только краснел, но наливался какой-то внутренней силой, словно в нем что-то зрело, грозя каждую минуту взорваться не то диковинным цветком, не то уже зрелым плодом. А иногда он казался органом, вышедшим из повиновения и живущим своей таинственной жизнью. Но глаза оставались добры до беспомощности, характер у него тоже сохранился тихий и какой-то сочувствующий. – Итак, я вас внимательно слушаю, – проговорил Дубовик, с почти религиозной смиренностью обратившись к женщине. – Продолжайте, прошу вас.

– Когда мы вышли из ресторана, было уже темно, – начала женщина слабым голосом. – И вдруг появляется этот самый...

Сложив руки на столе, Пафнутьев сидел, уставившись взглядом в стену, на которой висели отвратительно сработанные отмычки, целая связка кривых, мятых, жеванных гвоздей, которые, тем не менее, в преступных руках работали не хуже родных ключей. Но Пафнутьев не видел отмычек, он опять брел по переулку, всматривался в следы протектора на мокрой земле, шупал свежие доски забора, в который неосторожно врезались мотоциклисты, удирая с места убийства.

«Так, – проговорил он про себя с вялой медлительностью, – постараемся прокрутить еще раз... На заборе должны были остаться ворс и кровь... Допустим, я буду знать группу... А на фига мне группа крови, если нет подозреваемого... Водитель Пахомов... Характеристика с места работы? Можно, но что она даст? Жена... Да, там еще жена... Голдобов со своим сочинским алиби... Колов, который с утра так разволновался, что принялся звонить прокурору и чего-то там лопотать... Скажите, какой впечатлительный... Теперь еще Анцыферов весь издергался... Что он хочет услышать? И что я должен ему сказать? Ладно, разберемся. А на заборе должен остаться ворс от куртки, а на куртке – занозы от свежих досок. И ушиб на левой руке, локте, плече, а может быть, он и коленкой приложился...»

На этом месте мысли Пафнутьева неожиданно прервались – дверь распахнулась, и на пороге возник прокурор – молодой, подтянутый и взволнованный.

– А, ты уже здесь, – проговорил удовлетворенно. – Зайди ко мне. Прямо сейчас. – В голосе Анцыферова звучало нетерпение. – Я жду, – успел сказать он еще до того, как за ним закрылась дверь.

– Во дает мужик! – озадаченно проговорил Дубовик.

– Разберемся, – Пафнутьев со вздохом поднялся, по привычке оглянулся на стол – не оставил ли чего, одернул пиджак. Анцыферов уже сидел за столом, куда-то звонил, отрывисто бросая в трубку односложные слова. Пафнутьев сразу понял, что говорит прокурор с человеком, который в чем-то выше его. Еле заметная зависимость проскальзывала в голосе Анцыферова.

– Ну что? – обратился он к Пафнутьеву, еще не совсем расставшись с предыдущим собеседником. – Пришел? Хорошо... Ближе садись. Что нового?

– Колбаса опять подорожала. Теперь я на свою месячную зарплату могу купить два-три килограмма, притом не самой лучшей. Ужас какой-то!

– Да? Это хорошо. На месте происшествия был?

– Свиныю ты мне подложил, Леонард. Не пойму вот только – за что? Вроде не ссорились, на место твое не мечу...

– Подожди! – остановил Анцыферов. – Что ты несешь? При чем здесь колбаса? В каком смысле свиныю?

– В самом полном. Приехали отчаянные ребята, бабахнули из какой-то штуковины, заваляли мужика и были таковы. Все. К моему приезду труп убрали, кровь смыли. И ты, Пафнутьев, иди и узнай, где преступники в настоящее время водку пьют.

– Что, совсем глухо? – опечаленно спросил Анцыферов, но Пафнутьев с удивлением заметил, что в голосе прокурора нет сожаления. Он произнес эти слова чуть ли не с облегчением.

– После того как выстрелили, тут же свернули в переулок. А там асфальта нет, земля после вчерашнего дождя сырая... Ну, если присмотреться, то следы, конечно, увидеть можно...

– Следы?! – вскрикнул Анцыферов. – А говоришь, ничего не обнаружено! Значит, что-то все-таки есть?

– А! – Пафнутьев махнул рукой. – Следы от протектора... Тянулись, тянулись эти следы и вдруг пропали. Будто это был небольшой самолет, замаскированный под мотоцикл. Наш Худoley излезил, исползал на брюхе весь этот злосчастный переулок, отснял целую пленку, но, боюсь, толку не будет. Опросили местных жителей... Там частные домики, вроде должны были что-то видеть... Не видели. В двух домах мотоциклы, но не те. Во-первых, чистенькие, один вообще в смазке, а что касается второго...

– Твои соображения? Что намерен делать?

– Пойду перекушу. С утра не ел...

– Я спрашиваю, что ты намерен делать по этому происшествию, – холодно сказал Анцыферов, давая понять, что шутить не время и обедать тоже рановато.

Пафнутьев помолчал в полнейшей растерянности, пошевелил в воздухе пальцами, посмотрел на Анцыферова беспомощно и обреченно.

– Что делать... Медэкспертиза должна заключение прислать... Почитаем, ознакомимся... Снимки со следов протектора надо изучить, вдруг мелькнет счастливая находка... А? – Он вопросительно посмотрел на прокурора. – А потом – личность убитого, круг друзей, знакомых, возможная причина убийства... Может, счета свели с мужиком, может, он где-то повел себя опрометчиво... Ведь так бывает в жизни, правильно, Леонард?

Анцыферов посмотрел на Пафнутьева – ему показалось, что тот попросту потешается над ним. Но нет, Пафнутьев был серьезен, на прокурора смотрел с надеждой, ожидая, видимо, одобрения.

– И все? – нетерпеливо спросил Анцыферов. – И это все, что ты можешь предложить? Маловато, Паша.

– Ну так уж и мало! Скупишься, Леонард. Я вот еще о чем подумал, мне вот еще что показалось...

– Ну? Слушаю тебя!

– Чтобы попасть в движущуюся цель с мотоцикла, который, в свою очередь, сам движется... Тут ведь сноровка нужна! Вот так, с бухты-барахты... Нет, Леонард, это подготовленные люди. И два заряда всадить в грудь...

– Откуда ты знаешь, что именно в грудь, что два заряда? – с подозрением спросил Анцыферов.

– Так ведь ты сам мне и сказал!

– Ну... Я сказал предположительно, – смешался прокурор. – Просто допустил такую возможность...

– Да? Ну ладно... А то мне показалось, что ты уже все разузнал, чтобы облегчить расследование... – Пафнутьев разочарованно развел руками. – Но не волнуйся, Леонард! Прошло всего два часа после преступления. И уже есть первые впечатления.

– Да и впечатлений у тебя маловато. Не знаю даже, как быть... Ты, Паша, должен знать, что это дело для тебя – счастливый шанс... И ты должен его использовать. Я всегда верил в тебя, всегда знал, что ты способен...

– Леонард! – перебил Пафнутьев. – Ты не волнуйся. Все образуется. Или уже дергать начали?

– Начали, Паша.

– Откуда?

– Не будем об этом. Выстрелы много шуму в городе наделали. Знаешь, какие слухи? Перестрелка, мафия, трупы, невинные жертвы среди прохожих...

– Скажи, что подключил лучшие силы.

– Да уж, лучшие, – хмыкнул Анцыферов. – Лучше не бывает...

– А чего ты так? – обиделся Пафнутьев. – Сомневаешься – отдай дело Дубовику.

– Поздно отдавать. Я уже оповестил, что ты занимаешься. Ладно. Встретимся вечером. Не уходи, пока со мной не встретишься, понял? Да, с оперативниками все в порядке?

– Отличные ребята, – серьезно сказал Пафнутьев. – С ними можно горы своротить.

– Давай, Паша. Не подведи. – И Анцыферов снова потянулся к телефону.

Вернувшись в свой кабинет, Пафнутьев увидел, что Дубовик продолжает допрос. Женщина уже не рыдала, да и никто не сможет слишком долго так рыдать, теперь в ее облике чувствовалась усталая безутешность. Но Дубовик выглядел еще более участливым.

– Да, – обратился он к Пафнутьеву, и голос его тут же сделался самым обыкновенным, как у актера, который, отыграв на сцене что-то очень трогательное, прошел за кулисы и попросил воды. – Тебе звонили из милиции, от дежурного. Что-то связано с сегодняшним убийством. Спросили, кто им занимается... Я скрывать не стал, назвал тебя... Что бы это значило, а, Паша?

– Разберемся. – Пафнутьев быстро набрал номер дежурного. – Здравствуйте. Пафнутьев из прокуратуры. Выполняю ваше указание – звоню.

– Привет... Тут вот какое дело, – голос у дежурного звучал замедленно, будто он в это время что-то искал на столе. – Тут вот какое дело... Пришла ориентировка по поводу утреннего убийства. Некого Пахомова якобы застрелили... Я заступил на дежурство утром, два часа назад... И вижу в журнале запись...

– О чем запись? – нетерпеливо спросил Пафнутьев.

– Вот, слушай... Приходил какой-то Пахомов, тот самый или нет – тебе судить... Приходил и оставил письмо на имя начальника. Указано и содержание письма – гражданин Пахомов опасается за свою жизнь, о чем заблаговременно ставит милицию в известность. Подпись, дата, время и все такое прочее. Это тебе интересно?

– Где письмо?

– Передано начальству. Как и положено.

– Сейчас оно у секретаря?

– Вряд ли, уже у Колова. Она все ему передает.

– Кто дежурил?

– Этот... как его... Вахромеев. Сегодня отдыхает. Дрыхнет, надо понимать.

– У него есть телефон?

– Нету. Где-то на частной квартире со своей бабой живет. Хотя нет, подожди... Вот подсказывают – поженились они месяца три назад. Так что он скорее всего с женой... Но долго женились, все квартиру искали, по уголкам мыкались, чуть ли не в парке на скамейке тешились... Вот ребята подсказывают – даже в нашей камере изредка ночевали. Когда она сво-

бодна была, конечно. Но иногда и нарочно выпускали нарушителей... Если они были не очень опасны. Голь на выдумки хитра, а? Вот ребята подсказывают – в «рафике» летом ночевали... Не представляю, как там можно устроиться... Ребята вот смеются, говорят, не самый худший вариант, а, Паша, как считаешь? Тут у нас один старшина такое устроил, такое устроил, что ум меркнет. Представляешь... – Пафнутьев положил трубку и рванулся к двери.

– Я в милицию, – успел он бросить Дубовику.

В дежурке все еще стоял хохот – неожиданно возникшая тема получила продолжение, и свободные от выездов милиционеры наперебой припоминали, как кому приходилось преодолевать жилищные сложности.

– А Жорка Шестаков до чего хитрый оказался, до чего сообразительный! Как только дежурство сдал, подружку под мышку и на вокзал. А там у него с бригадирами поездов дружба – раньше в железнодорожной милиции работал. Садятся в мягкий вагон, в двухместное купе, и всю ночь едут. Просыпаются в Ленинграде, Днепропетровске, Казани, Симферополе, знакомятся с местными достопримечательностями, мороженое кушают, винцом балуются. А вечером на вокзал. И снова в отдельном купе, и снова ночь вдвоем. А мы все удивлялись – что такое, почему после смены не можем Шестакова найти для сверхурочного дежурства! А попробуй найди его, если он за тысячу километров на Черном море балдеет. Отдохнувший возвращается, посвежевший, весь довольненький! Не Жорка, а самовар тульский!

Дослушав историю про сообразительного Жорку, Пафнутьев постучал в стекло, напоминая о себе.

– А, Паша! Сейчас покажу... Вот, смотри, какая интересная запись, – дежурный протянул журнал. – Все, как я тебе сказал.

Прочитав немногословную запись, Пафнутьев вернул журнал разочарованным – никаких дополнительных сведений обнаружить не удалось. Действительно, здесь, в дежурном отделении милиции, был человек по имени Николай Пахомов, который оставил письмо. В письме он вроде бы сообщал об опасности, которую чувствует в последнее время. Откуда опасность, кто преследует – ни слова.

– Колов у себя? – спросил Пафнутьев.

– Вроде на месте. Он не любит далеко от телефона отходить, – рассмеялся дежурный. – Только на расстояние прямой видимости. Или слышимости. Большой начальник хорош в кабинете, чтоб всегда на него выйти можно было. Хочешь зайти?

– Хочу.

– Попробуй. Может, получится. Обычно он визитов не поощряет. Мы у него бываем только по вызову. Но ты – другое дело. Опять же, по делу.

На второй этаж Пафнутьев поднимался медленно. Что-то подсказывало – удачи не будет. Слишком все было бы просто. Раз – и на тебе письмо со всеми именами, адресами и приметами убийц. Так не бывает. И потом, если Колов звонил Анцыферову... Если все в открытую... То Пафнутьев знал бы о письме от прокурора. Если, конечно, все в открытую, – подвел Пафнутьев итог своим раздумьям.

Крупная блондинка с крашеными волосами и ярко-красными губами сидела на секретарском месте, зажав в зубах перемазанную помадой сигарету. Увидев Пафнутьева, улыбнулась, но улыбка была как бы про себя, словно она вспомнила об этом человеке что-то смешное или увидела что-то неприличное. И многие, попадая в приемную впервые, столкнувшись с этой улыбкой, растерянно осматривали себя – в порядке ли брюки, не торчит ли где чего смешного или срамного.

– Здравствуй, Зоя, – приветствовал ее Пафнутьев. – Что хорошего в жизни?

– А, Паша, – секретарша улыбнулась, окинув Пафнутьева взглядом. И он не мог удержаться, чтобы не провести пальцем по ширинке – все ли там в порядке.

– Послушай, от вашего дежурного должно поступить письмо на имя Колова. Было?

- Вся почта у него.
- А сам он?
- Занят. Не принимает.
- У него много народу?
- Один сидит. Но на телефоне. Доложить?
- Конечно!

Зоя, не глядя, нажала кнопку и, выпустив облако дыма изо рта, подмигнула Пафнутьеву. Сейчас, дескать, все решим, не дрейфь.

- Слушаю! – раздался искаженный динамиком голос Колова.
- Геннадий Борисович... Пафнутьев из прокуратуры.
- В чем дело?
- Хочет сам доложить.
- Это что... Срочно?
- Говорит, срочно.

Наступило молчание.

– Начальство думает, – сказала Зоя, прикрыв трубку рукой. – Это хорошо. Когда думает, соглашается. Если бы почаще думал, золотой был бы человек.

- Пусть войдет, – разрешил Колов.
- Вот видишь, – усмехнулась Зоя, искривившись от сигаретного дыма.

Пафнутьев передернул плечами, поправляя пиджак, и, решительно перешагнув порог, оказался в длинном кабинете, казавшемся еще длиннее оттого, что от двери к столу тянулась красная ковровая дорожка. Стены были обиты древесными плитами, сработанными на местном мебельном комбинате. Кабинеты всех приличных начальников города были обшиты этими плитами из прессованной стружки, и к кому бы ни явился новый человек, он не мог избавиться от ощущения, что все время оказывается все в том же кабинете, приходил ли в больницу к главврачу, в милицию, в исполком. И Пафнутьев не удержался, хмыкнул про себя, удивившись, что на месте Анцыферова на этот раз сидит Колов – кабинет прокурора был отделан такими же плитами.

Генерал Колов сидел за полированным столом, похоже, собравшись на прием чрезвычайной важности, – столько в нем было блеска и торжественности. Пуговицы форменного кителя зеленого цвета сверкали, обжигая взгляд, значки играли вишневой эмалью и золотом, колодки наград, оправленные в металл и покрытые прозрачной пленкой, придавали генеральскому облику нарядность и недоступность. Впрочем, впечатление парадности было не так уж далеко от истины. Колов шел по жизни как на параде – уверенной, неуязвимой поступью. Короткая стрижка, седоватые волосы, выбритое, отяжелевшее лицо бывшего боксера создавали облик человека волевого, сильного. Даже без кителя каждый сразу бы заподозрил в Колове генерала. А перебитый в юности нос придавал ему некую романтичность, чувствовалось, что этот человек через многое прошел. Пафнутьев знал, что и шутка, и злость генерала рядом, и никогда нельзя заранее знать, что вызовут в нем твои слова – ярость или смех. Впрочем, и ярость в нем держалась недолго, и смех не был столь уж веселым.

– Здравствуйте, Геннадий Борисович! – бодро приветствовал его Пафнутьев, невольно включаясь в торжественность, наполнявшую помещение.

– А, Пафнутьев, – Колов решительно отодвинул в сторону бумаги. – Проходи. Садись. Рад тебя видеть. Как поживаешь? Что привело?

- Дела, Геннадий Борисович.
- Это хорошо. О делах забывать нельзя.
- Да они сами о себе не дают забыть.
- Тоже правильно. Тем и живы. Делами, заботами, хлопотами. Зачем пожаловал?
- Убийство, Геннадий Борисович.

– Это плохо. Рождение – хорошо. Убийство – плохо. Знаю, о чем ты говоришь, что имеешь в виду. Анцыферов звонил. Значит, тебе поручено?

– Как видите...

– Одобряю. Молодец Анцыферов. Соображает.

Несмотря на откровенную и наглую лесть, Пафнутьев ощутил в душе теплую волну благодарности. Знал, что ничего не стоят слова Колова, знал, что тот попросту лжет ему в глаза, но ничего не мог поделать – было приятно.

– Спасибо на добром слове, Геннадий Борисович.

– Ха! А я о тебе ничего не сказал. Я Анцышку похвалил, его выбор одобрил. Ладно, не обижайся, и ты доброе слово заслужишь, все впереди. Слушаю тебя.

– Убит Пахомов. Личный водитель Голдобова...

– Да, будет подарок Илье Матвеевичу к возвращению. А ведь он возил меня, этот Пахомов. Как-то зашел по делу к Голдобову, а он и доставил меня домой. И Пахомов вел машину. Но сказать, что запомнил его... Нет, не запомнил.

– Он был здесь, Пахомов, – Пафнутьев настойчиво продирался к цели своего прихода.

– У меня? В этом кабинете?!

– Нет, в дежурной части, – Пафнутьев удивился неожиданной резкости Колова. – В журнале есть запись о том, что он был...

– Сейчас вызову дежурного.

– Не надо! Потом, если возникнет необходимость. Около девяти вечера Пахомов зашел в дежурную часть, оставил письмо.

– Письмо? – встрепенулся Колов. – Какое письмо?

– Пахомов опасался за свою жизнь, об этом и написал в письме.

– Ты видел письмо?

– Нет, к сожалению...

– Как тогда можешь судить о содержании?

– Геннадий Борисович! – взмолился Пафнутьев. – Послушайте! В журнале есть запись, краткое содержание заявления. И там сказано – посетитель опасается за свою жизнь. Письмо передано вам. Для следствия оно имеет важное значение. Возможно, в нем названы люди, названы причины... Вот я и решил зайти.

– Хм, – сказал Колов озадаченно и принялся беспорядочно просматривать бумаги на столе. Несколько раз мелькнуло плотное письмо в стандартном конверте, Пафнутьеву нестерпимо захотелось выхватить его из общей кучи, он даже приподнялся, но Колов каждый раз успевал перевернуть письмо, накрыть другими бумагами. Однажды даже взял в руки и вчитался в надписи, но тут же снова бросил на стол. – Странно, – сказал он, нажимая кнопку звонка. – Если письмо передали, оно должно быть здесь. А если его нет, значит, мне его не передавали.

Вошла Зоя, молча остановилась у двери. На этот раз сигарету она держала в руке.

– Зоя, возникло недоразумение... Пафнутьев утверждает, что должно быть письмо от некоего гражданина Пахомова... Ты мне все передала?

– Почта у вас, Геннадий Борисович.

– У тебя ничего не осталось?

– Нет, все у вас на столе. Я сама положила.

– Странно, – проговорил Колов. – Ну, ничего страшного, найдется. А ты посмотри у себя повнимательней, может, где и затерялось... Всякое бывает.

– Геннадий Борисович, – начала было Зоя, но Колов перебил ее:

– Ты все-таки посмотри. Это ведь не очень трудно? Руки не отвالتها? – Колов, улыбаясь, посмотрел на секретаршу, и та исчезла быстро и бесшумно. – Если письмо было, мы его обязательно отыщем, – продолжил Колов. – Ты вот что... Позвони Зое через час. К тому вре-

мени все выяснится. Я еду на совещание, меня не будет, связь поддерживай с Зоей. Она баба толковая. Теперь скажи, тебе известно, что именно было в письме?

Пафнутьеву вопрос не понравился. Десяток лет он проработал следователем, почти ежедневно допрашивая людей, задавая им сотни вопросов. И шкурой чувствовал скрытый смысл сказанного.

– Могу только предполагать...

– Слушаю! – произнес Колов. И это его слово можно было истолковать как «немедленно выкладывай все, что знаешь».

– Если Пахомов решился зайти в милицию, если он объяснил дежурному причину своего визита... Значит, его уже достали. Он был на пределе. Вполне обоснованно можно предположить, что в письме речь шла именно об этом. Думаю, мы вправе допустить, что в письме он указал источник опасности. Очевидно, от него что-то требовали или к чему-то склоняли... Иначе какой смысл угрожать... То есть в любом случае письмо может оказаться хорошим подспорьем. Сразу отпали бы многие вопросы. Не исключено, что следствие могло закончиться прямо сегодня.

– Сегодня? – усмехнулся Колов. – Круто. – Он встал, прошелся по кабинету. Пафнутьев убедился, что и брюки у генерала позволяли ему прямо сейчас отправиться на парад. – Тебе часто приходится расследовать дела, связанные с убийствами? – спросил Колов.

– Да нет, не очень.

– Не очень – это как?

– С подобным я сталкиваюсь в первый раз, – смешался Пафнутьев. – Но следователем работаю достаточно долго, насмотрелся всякого, – попытался он поправить свой авторитет.

– Но убийство – первое?

– Да.

– Это чувствуется, – Колов вернулся к столу и сел.

Помолчал, глядя на лежащие перед ним бумаги. Наконец поднял глаза на следователя. В его взгляде не было уже ни улыбки, ни готовности вести разговор.

– Прости, но у тебя облегченный подход к делу. Вот найдется письмо, вот раздастся голос автора с того света – и к вечеру следствие закончено. Музыка играет, барабаны бьют... Нет, Пафнутьев, так не бывает. Анцыферову, конечно, виднее, кому поручать следствие, не мне об этом судить... Желаю успеха. А что касается письма... Если оно действительно было... Найдём. Удастся тебе помочь – будем рады. Не удастся – не взыщи. – Колов поднялся и протянул руку. Пафнутьеву ничего не оставалось, как пожать крепкую, суховатую ладонь бывшего боксера. – Будут новости – не тай, порадуемся вместе.

– Порадуемся, – обронил Пафнутьев. – Был бы повод.

В приемной он остановился у столика секретарши, ожидая, пока она закончит разговор по телефону.

– Все ему отдала, – прошептала Зоя, прикрыв трубку рукой.

– И письмо? – спросил Пафнутьев тоже шепотом.

В этот момент затрещал телефонный динамик и в приемной раздался смазанный голос Колова.

– Зайди ко мне.

Зоя бросила трубку, перемазанную губной помадой, сделала прощальный жест – «Иди, ради бога! Хватит тебе здесь торчать! Иди, пока отпускают!». Уже выйдя в коридор, Пафнутьев еще раз придирчиво осмотрел себя – вроде все в порядке. Пуговицы, которым положено быть застегнутыми, – застегнуты, которым позволительно быть расстегнутыми – расстегнуты. «Тогда нечего лыбиться», – проворчал он про себя и покинул мрачноватое здание Управления внутренних дел. На улице его встретило серое от зноя небо, слепящий свет, размякший асфальт. Сунув руки в карманы, Пафнутьев бесстрашно шагнул на залитый солнцем тротуар.

– Падай, пададь! Падай, ты убит! – закричал Андрей, не сдерживая восторга, когда увидел, что Пахомов, в которого он целился с пяти метров, рухнул на высохшую траву газона. На ходу сунув обрез за пазуху, он ухватился за ручку и крикнул на ухо Махначу: «Гони! Теперь твоя очередь!»

Но Махнач, то ли от излишней поспешности, а скорее с перепугу, не рассчитав скорости, и на повороте их вынесло на высокий забор из неструганых досок. В последний момент Андрей успел оттолкнуться, мотоцикл выровнялся, и, проскочив лужу, они выбрались на плотную песчаную дорожку. Им повезло – переулочек был пуст, не встретилось ни одного человека, да и за заборами, насколько успел заметить Андрей, тоже не мелькали любопытные лица. Свернув в конце переулка влево, оба с облегчением перевели дух. Все шло как и намечалось – посредине проезда стояла грузовая машина с крытым верхом, а из кузова свисала на дорогу толстая доска. Чуть притормозив, Махнач въехал по доске в кузов и резко нажал на тормоз. Машина стояла с заведенным мотором, и водитель так рванул с места, что они еле устояли на ногах. Доску пришлось втаскивать уже на ходу.

Прошло не больше минуты, и грузовик влился в общий поток транспорта и ехал, никого не обгоняя, соблюдая правила движения, притворяясь машиной добропорядочной и трудолюбивой. Ни у кого не вызывал ни малейшего подозрения фургон, на котором можно перевезти мебель, мешки с картошкой, бочки, а то и несколько сот кирпичей. Еще до того, как примчалась «Скорая» к месту происшествия, грузовик был уже далеко и продолжал неумолимо удаляться от опасного места.

– Ну, Вовчик! Славно мы сработали! – восторженно проговорил Андрей. Он все никак не мог успокоиться, был возбужден, и ему не терпелось выплеснуть свою радость. – Ты видел, как он рухнул, нет, скажи, ты видел? – Сняв шлем, Андрей стоял с всклокоченными волосами, и лицо его заливала счастливая улыбка.

– Видел, – кивнул Махнач – коротко стриженный парень с впалыми щеками и редковатыми зубами. – Все видел, – ответил он, слегка не в тон. Что-то мешало ему отдаться радости успеха.

В машине находились еще двое – тощий, сутулый, с волосами до плеч, и коротковатый толстяк. Они придерживали лежащий мотоцикл, чтобы не бился он о металлический пол грузовика. Эти в разговор не вмешивались, молчали.

– А мы, главное, едем, смотрим – нет мужика! – продолжал рассказывать Андрей. – Неужели, думаю, на третий круг пойдем, а это уже ни к чему, уже и заприметить нас могли, верно говорю?

– Верно, – кивнул Подгайцев – парень с длинными спутанными волосами до плеч. Был он старше других, сутуловатый, с тощими руками. Что-то заставляло остальных заискивать перед ним, искать поддержки собственным словам, поступкам.

– Когда смотрю – идет! – В глазах Андрея сиял откровенный восторг от пережитого приключения. – Причем так все удачно получилось, дальше некуда. Я заметил его метров за пятьдесят – было время и подготовиться, и прицелиться. Ну, думаю, все – сейчас стрельну из двух стволов, и сматываемся. И Вовчик его заметил, хотел мне подсказать, но я его успокоил, да, Вовчик? Говорю, вижу! Сам вижу! Мы подъехали почти вплотную, Вовчик, скажи! Когда я выстрелил, до него не было и пяти метров!

– Да, что-то около этого, – вяло подтвердил Махнач. Видно было, что радость Андрея его смущает, он старался как-то погасить ее собственной сдержанностью. Проведя рукой по взмокшим волосам, Махнач приник к щели в кузове, пытаясь определить, где находится грузовик.

– Представляю, как там менты носятся! – воскликнул Андрей, обернувшись к остальным, и только сейчас обратил внимание, что с ним никто не говорит, ни о чем не спрашивает, радости его никто не разделяет.

– Какие-то вы, ребята, смурные, – озадаченно проговорил Андрей.

– Повеселимся потом, Андрюша, ладно? – сказал Подгайцев, остро глянув на него снизу. – Приедем, отдохнем, тогда и повеселимся.

– Как скажешь, Михей, как скажешь, – Андрей сделал последнюю попытку пошутить и тоже смолк. Сев на пол рядом с Махначом, он придерживал подпрыгивающий на ухабах мотоцикл, поглядывая на ребят, и никак не мог понять их настроения.

– Приехали, – подал голос молчавший до сих пор Феклисов – невысокий, толстоватый, если не сказать жирный. Его так и звали в своем кругу – Жирный. Мягкий безвольный живот нависал над затертым ремнем, штанишки были ему тесноваты, а щечки, как говорят, почти на плечах лежали. В духоте закрытого кузова он потел, под мышками растеклись мокрые пятна, ручьи пота стекали по шее на спину. Время от времени Феклисов смахивал пот, оставляя на лбу грязные разводы. – Все, уже можно не трястись, – продолжал Феклисов, прикинув к щели в кузове. – Я уже ворота вижу.

– Да в общем-то никто и не трясется, – как бы про себя сказал Махнач. – Правда, некоторые усиленно потеют... Но это не от страха, это от здоровья. – Все рассмеялись, и атмосфера в кузове немного разрядилась. И дорога к концу подошла, и шутка кстати оказалась, тем более что над Феклисовым все смеялись охотно, зная, что это ничем не грозит. Он безропотно терпел насмешки, даже если они переходили в откровенную издевку.

Грузовик тем временем замедлил ход и судорожно, рывками проехал в арку, сваренную из толстой арматурной проволоки. Когда-то здесь был гараж – несколько крытых отсеков для машин, эстакада из железных балок, двор, залитый бензином и маслами, небольшая конторка на пять-шесть комнат, где и располагалось правление кооператива «Автолюбитель». Здесь же размещался склад запасных частей, сторожка, бухгалтерия и кабинет для руководства – с пыльным телефоном, затертым диваном и небольшим фанерным столиком.

Посреди двора, на самом солнцепеке, стояли несколько машин, предназначенных, судя по их виду, для ремонта – помятый в столкновении «жигуленок», «Москвич» без колес, «Запорожец» без мотора. Над раскаленным металлом дрожал воздух, воняло смазкой, резиной.

Грузовик вкатился во двор, царапнув бортом по проволочным воротам, дернулся, остановился. Водитель, тощий парень в обвисших штанах, выскочил первым и бросился к воротам. Сведя вместе обе половины, он протянул цепь, накиннул замок.

– Приехали, – выдохнул водитель. – Вылезай, кто жив... Да поживее, а то какие-то вы все приморенные.

– Сам бы проехал в этой железке при такой жаре, – проворчал Феклисов, спрыгивая на землю.

– А тебя никто не заставлял туда забираться.

– Заткнись, – беззлобно ответил Феклисов и поковылял в тень.

– Ты куда? – взъярился Подгайцев. – Назад! Машину на эстакаду и вымыть так, чтоб ни пылинки с того перекрестка не осталось.

– Ты, Михей, не суетись, – остановил его водитель. – С машиной я разберусь.

– Андрей! – не унимался Подгайцев. – Мотоцикл выкатить из кузова и из шланга, понял?

– Что-то ты расшумелся, – с недоумением проговорил Андрей. – Дело сделали, вернулись без потерь, «хвоста» тоже не видать... Михей! Дай дух перевести!

Подгайцев подошел к Андрею, приблизил к нему лицо с узко поставленными глазами и прошептал сквозь зубы:

– Потом будем дух переводить, понял? Если этот дух останется в тебе к тому времени.

– А может и не остаться?

– Остановись, – Махнач взял Андрея под локоть и оттащил в сторону. – Не видишь, наш Михей вот-вот в штаны наложит, верно, Михей?

– Не забудьте про номера, – сказал Подгайцев. – А я пошел звонить.

Андрей с Махначом откатали мотоцикл в угол двора к водопроводному крану, торчащему прямо из земли. Грузовик уже стоял на эстакаде, и водитель в упор поливал его упругой струей, смывая не только пыль дороги, но и невидимые, а то и несуществующие следы преступления. С каким-то злым наслаждением он выбивал из колес грязь, которая там скопилась, наверно, за последние годы, потом залез в кузов и принялся орудовать струей, вымывая из щелей пыль, крошки, бумажки, забившиеся в щели между железными листами. Закончив работу, спрыгнул, не закрывая крана, отбросил тяжелый шланг, еще раз осмотрел машину.

– Доски заберешь? – спросил Андрей.

– Ты что, одурел? – прошипел водитель с таким напором, будто доски что-то решали. – Найду доски! А этими пользуйтесь сами!

– Как хочешь.

– На них следы, понял? – вдруг нервно закричал водитель. – Они меченые! Я к ним не прикаснусь!

– Ну и не прикасайся, – Андрей отошел к мотоциклу. – Что-то вы, ребята, задергались, что-то вы засуетились... Такие были отважные ребята, а, оказывается, столько дерьма в каждом скопилось...

Водитель хотел что-то ответить, но, видимо, решил не терять времени – залез в кабину, включил мотор, съехал с эстакады. Выскочив из кабины, он открыл ворота и до того, как они успели снова соединиться, выехал со двора, опять царапнув бортом по арматурной проволоке.

Махнач проводил взглядом грузовик, поднявший на дороге клубы пыли, постоял, глядя, как Андрей смывает с мотоцикла пыль, оглянулся по сторонам.

– Слушай, – сказал он негромко. – Когда ты выстрелил из этой штуки... Ничего не заметил?

– А что? – резко повернулся Андрей. – Что я мог заметить?

– Ну, понимаешь... В том смысле... Ничего странного не показалось?

– А тебе показалось?

– Когда я оглянулся... Вроде он упал как-то не так... Не так он упал, понимаешь?

– Как смог, так и упал, – Андрей передернул плечами. – А как ему надо было упасть?

– Как-то уж очень всерьез... От испуга так не падают.

– А как падают от испуга?

– Его отбросило.

– Да ну тебя! – отмахнулся Андрей. – Нормально упал мужик, чего там... Как ему еще падать?

– Что-то тут не то, Андрюша... Посмотри на ребят... А этот истеричный водила... Даже доски свои оставил, побоялся забрать. А как ему без досок? Он же мебель возит... Шкаф затолкать, буфет какой-нибудь... Не взял. А Михей как мотанулся к телефону... В машине, помнишь, когда ехали... Ты там что-то рассказывал потешное... Никто даже не улыбнулся.

– Ты тоже не улыбался? – спросил Андрей.

– Понимаешь, я сразу почувствовал, что они взвинченные какие-то... Им не до шуток. Они перепуганы, Андрей, оглянись. В деле были мы с тобой, ты стрелял, я вел... А перепуганы они.

– Черт их знает! – Андрея раздражал этот разговор.

Он чувствовал, что Махнач прав, происшедшее имеет какой-то смысл, ускользающий от него. Да, конечно, он заметил странности в поведении ребят, но объяснял это необычностью всего, что случилось.

– Может, они вообще трусоваты? – предположил Андрей, найдя самое простое объяснение.

– Нет, они не трусоваты, ребята тертые... Бывали во всяких переделках. И Жирный, и Михей... Вон машину как обработали... Когти рвали, чтоб побыстрее грузовик со двора выпихнуть. А водила как дергался...

– Слушай, Вовчик, ты на что намекаешь? Скажи прямо, придумаем что-нибудь!

– Да нет, я не намекаю... Но упал тот мужик по-чудному... Так не падают.

Андрей с недоумением посмотрел вслед Махначу, попытался вспомнить подробности всего, что произошло утром, но ничего нового на память не пришло. Направив струю воды на номер, он смыл грязь, которую сам же утром старательно наносил, отодрал два кусочка изоляционной ленты, наклеенных на номер, они превращали тройку в восьмерку, а из девятки делали ноль. Теперь это был истинный номер мотоцикла, и никто уже не сможет доказать, что видели его на месте происшествия.

Мотоцикл стоял на небольшом возвышении, и черный ручей стекал за пределы гаража в небольшой овраг, навсегда унося следы утренней поездки. Андрей старался промыть углубления протектора, зная, что грязь на колесах позволяет доказать – именно этот мотоцикл был в какое-то время в этом месте. Вода, унося песок, как бы омывала и душу, очищая ее от слабых угрызений совести, от боязни разоблачения. Андрей не просто мыл мотоцикл, он смывал с себя ощущение вины. Очищался и мотоцикл, это уже было не серое механическое сооружение с фальшивым номером – проявились никелированные части, вспыхнул красным цветом бак, заиграли на солнце фара, габаритные фонарики, заискрились спицы, проступили мордашки наклеенных на бак красоток.

Но слова Махнача не забывались. Андрей снова и снова вспоминал падающего после выстрела человека, его удивленное лицо. Андрей видел того человека шагающим, потом расширенные глаза, грохот выстрела, человек отшатывается, падает... А дальше их бросило к забору, но Махнач успел вырулить, и, проскочив переулочек, они по приготовленной доске въезжают в кузов грузовика.

Сзади приблизилась чья-то тень. Оглянувшись, Андрей увидел Подгайцева. Тот внимательно наблюдал за работой, но был в его глазах еще какой-то смысл, он не просто интересовался, хорошо ли отмывает Андрей мотоцикл.

– Ну как? – спросил Андрей, ощутив неловкость.

– Ничего. Колеса лучше промывай. Чтоб от того переулочка не осталось ни единой песчинки. Номер поправил? Хорошо... Протри бензином, чтобы следов ленты не осталось. И шлем вымой, на всякий случай.

– Зачем?

– А затем, мой мальчик, что, когда тебя заподозрят в чем-нибудь, и твой номер отдадут на экспертизу, и твой шлем, а тебя самого станут просвечивать да прощупывать.

– Думаешь, будут прощупывать?

– Чего не бывает, – криво усмехнулся Подгайцев, и опять не понравилась Андрею его улыбка – был, все-таки был в ней второй смысл, в чем-то опасный. – На всякий случай. Не помешает. И тебе спокойнее, и всем нам не так страшно. Да, где обрез?

– А вон, – Андрей показал на обрез, лежащий на скамейке у здания конторы. Освещенный солнцем, он хорошо выделялся на фоне выгоревшей доски.

– Ты что?! Быстро!

Андрей не успел удивиться резкой перемене в тоне Подгайцева, не успел даже обидеться – какая-то сила заставила его броситься к скамейке. Нагретые на солнце стволы обжигали ладонь. Переломив обрез, он вынул две горячие латунные гильзы.

– Забудь, что он был у тебя, и не вздумай никому о нем напомнить. Даже мне, понял. Чтоб я и не слышал о нем ни слова. – И, прихватив обрез, Подгайцев заторопился в контору.

В окно было видно, как он набирает номер телефона.

«Кому это он все время докладывает? – подумал Андрей, возвращаясь к мотоциклу. – Что-то они в самом деле засуетились. Ну, сделали дело, вернулись в целости и сохранности, без потерь в живой силе и технике. Что же их так растревожило? Да еще Вовчик со своими опасениями...»

– Кончай, – услышал он голос Подгайцева за спиной. – Хватит мыть. Теперь вот что... Садись на мотоцикл и погоняй по грунтовке минут десять.

– Зачем, Михей?

– Слишком чистый он у тебя. Нельзя, чтоб он был таким чистым. Вроде специально отмывал.

– Но ты сам сказал...

– А теперь говорю другое! Садись и прогони несколько километров. Чтоб была на нем пыль, грязь, но не из того дурацкого переулка.

– Поеду домой – запылится, – беззаботно ответил Андрей.

– А я говорю – сейчас! – сорвался на крик Подгайцев. – Понял? Сию минуту! – Его длинные волосы, взмокшие еще в грузовике, не просохли, узко поставленные глазки горели злобой, но в них явно проступал страх.

– Что-то ты, Михей, плывешь, – озадаченно проговорил Андрей, откатывая мотоцикл от крана.

– Значит, так надо, – Подгайцев похлопал его по плечу. – Кому-то ведь и поволноваться надо, если все вокруг такие невозмутимые. Ты ведь спокоен, Андрюша?

– Да вроде...

– Вот и хорошо. Как говорится, здоровеньким помрешь да спокойненьким. А я помру старым, больным, нервным, всеми брошенным стариком. Договорились? – Подгайцев рассмеялся, показав желтоватые несвежие зубы. Андрей почувствовал, что это не тот смех, к которому можно присоединиться. Окинув взглядом двор, Андрей поразился неподвижно застывшим фигурам приятелей. Все смотрели на них с Подгайцевым, словно вот тут, возле мотоцикла, происходило главное.

– Что-то я вас, ребята, не пойму, – пробормотал Андрей, выруливая за ворота. Оказавшись на дороге, он резко увеличил скорость. С одной стороны мелькали высокие теплые сосны, с другой – желтое поле недавно скошенной пшеницы. Упругий воздух бил в лицо, трепал волосы, надувал пузырем рубашку. Вдали от гаишных постов Андрей ехал без шлема, без тяжелых липких очков, едва ли не впервые за последнее время остро ощутив радость быстрой езды.

Когда через полчаса он вернулся в гараж, от тягостного настроения не осталось и следа. Казалось, все выдуло настоящим на соснах ветром. Все-таки Андрей водил мотоцикл лучше всех в этой компании, и его удивило, что Подгайцев поручил ему стрелять, а вести мотоцикл должен был Махнач.

Ребята сидели в тени за небольшим столом, наспех сколоченным из досок. Обед намечался плотный – на расстеленной газете лежали колбаса, хлеб, несколько банок консервов, сало, стояла бутылка водки со сдернутой уже пробкой. Феклисов высматривал куски повкуснее, незаметно передвигаясь к ним по скамейке. Махнач сидел как бы в стороне, настороженно поглядывая на приготовления. Орудовал за столом Подгайцев.

– Присаживайся, Андрюша, – сказал он. – Подкрепись после трудов праведных. Устал небось? С самого утра все на ногах, на колесах, да и работа нервная, а? «Жигуленок» надо бы сегодня перекрасить, – продолжал Подгайцев. – Так что вы уж, ребята, поднатужтесь... Хватит в прохожих из обрезов палить, пора и за дело браться. А завтра с утра займитесь мотором.

Особо уродоваться не надо, но чтоб следы работы были – хозяин придет, вонять начнет, жлобиться...

– А ты, Михай, чем будешь заниматься? – спросил Феклисов, еле ворочая языком, – рот его был набит до отказа и слова ему давались с трудом.

– А я, Женья, буду смотреть, чтоб ты не отлынивал, чтоб не зря хлеб ел, не зря салом обжирался, чтоб не растолстел ты еще больше, хотя не представляю, как можно растолстеть больше. Аппетит у тебя, я смотрю, как у нас всех, вместе взятых... Много пищи переводишь, Женья. С продуктами в стране плохо, а ты только про свою утробу думаешь... Жируешь. Нехорошо. Но уж коли проявил интерес, спрашиваешь, чем буду заниматься, скажу – на мне запчасти. Хочешь поменяться?

– Ни за что! – уже внятно произнес Феклисов, торопливо проглотив непрожеванное сало.

Подгайцев хотел было разлить по стаканам водку, но вдруг замер, прислушиваясь, поднял руку, требуя полной тишины. И действительно, среди шелеста листьев, журчания воды из незакрытого крана все слышали мотор приближающейся машины.

– Шеф, – сказал Подгайцев и молча обвел всех глазами. Но взгляд Андрея ему удалось как-то обойти, он проскочил место, где сидел Андрей, словно его там и не было. Махнач на секунду прикрыл глаза, как бы говоря: «Вот видишь, я предупреждал...»

Подгайцев встал и быстро подошел к воротам. Но еще до того, как успел распахнуть их, раздался гудок. Шеф проявлял нетерпение и полнейшее пренебрежение к Подгайцеву, потирая его, хотя и видел, что тот несется к воротам трусцой – более обычного ссутулившийся, спутанные, нечесанные волосы развевались на бегу, длинные руки уже за несколько метров тянулись к замку на воротах. А за ними стоял, посверкивая в лучах солнца, зеленый перламутровый «Мерседес». Андрей уже знал, что шеф, он же Александр Заварзин, пригнал его в прошлом году из Германии, заплатив за машину пять тысяч марок. Вообще-то было бы куда разумнее продать сверкающую игрушку и купить на эти деньги три новых «жигуля», но у Заварзина были, видно, свои соображения.

Проволочные ворота неохотно распахнулись со ржавым скрежетом, и «Мерседес» мягко и внушительно въехал во двор. Подгайцев бросился закрывать ворота, а едва накинув цепную петлю, снова метнулся к машине – хотел раскрыть дверцу, чтобы выпустить Заварзина, но опоздал. Тот сам вышел из-за руля – под два метра ростом, под сто килограммов веса, в светлом свободном костюме он производил впечатление весьма внушительное. Крупное лицо, светлые волосы, зачесанные назад, светлые кожаные туфли... По сравнению с мелковатыми, замызганными ребятами он казался человеком какой-то другой породы и, кажется, прекрасно это сознавал. Все невольно встали из-за стола и подошли, остановившись на почтительном расстоянии.

– Команда в сборе, Саша, – сказал Подгайцев. – Рады приветствовать нашего кормильца и поильца! Просим к столу. Там, правда, Жирный крепко поработал, но кое-что осталось и на твою долю.

Но Заварзин не был настроен шутить. Дверца машины мягко захлопнулась за его спиной, он приблизился к подчиненным, замершим на солнцепеке.

– Кто стрелял? – спросил негромко.

– Я, – ответил Андрей. – Как и договаривались... А что?

С неожиданной для его крупного тела легкостью Заварзин рванулся вперед и что есть силы ударил Андрея в лицо. Тот охнул и упал на залитую маслами землю. Но едва поднялся, прижимая ладонь к подбородку, Заварзин нанес еще один удар. И хотел было пнуть ногой, уже занес ногу, но его остановил Подгайцев.

– В чем дело, Саша? Остановись! Ты его убьешь! – Подгайцев повис на Заварзине.

– Он меня уже убил... Теперь моя очередь! Вставай, дерьмо! Вставай, кому говорю! – Андрей лежал на спине, не в силах подняться. Махнач и Феклисов помогли ему встать на

ноги, усадили на скамейку, отошли в сторону, опасаясь, как бы гнев Заварзина не обрушился и на них. – Слушай ты, подонок! – Заварзин навис над сидящим Андреем. – С тобой как договаривались? Ну? Отвечай!

– Пужануть мужика договаривались... – Андрей сплюнул кровавую кашу. – Что и сделали.

– Ты его убил, мудака!

– Как убил? – Андрей с ужасом посмотрел на Заварзина. – Он что... С перепугу... того?

– Ты всадил в него картечь!

– Не может быть... Я холостыми...

– Ты всадил в него кабанью картечь, дерьма мешок! Вся милиция города на ногах!

– Ребята... Я сам заряжал... Даже прокладки сделал помягче, чтобы нечаянно его не повредить... А картечи у меня и не было никогда...

Заварзин снова размахнулся, но на удар у него уже не хватило ни злости, ни сил. Пошатываясь, он обошел вокруг стола, сел. Некоторое время молчал, уставившись в пространство, потом как бы очнулся, налил стакан водки, выпил и опять замер. Все стояли рядом, не решаясь присесть. Только Подгайцев опустился на лавку рядом с Заварзиным, легонько похлопал его по спине. Ничего, дескать, Саша, что-нибудь придумаем.

– Что делать будем? – Заварзин поднял голову, как-то затуманенно оглянулся, посмотрел на каждого, задержался взглядом на Андрее. – Вы хотя бы представляете, в какую историю влипли? Мы все замочены. Этот идиот стрелял, Вовчик вел мотоцикл, вы ждали в грузовике, а я... Выходит, что я организатор, – он горько усмехнулся. – А неплохо все начиналось. – Заварзин окинул взглядом гараж. – Мы замочены, ребята. Идет следствие, создана оперативная группа, эксперты шастают по переулку, вынюхивают каждую травинку... И они вынюхают то, что им нужно, можете не сомневаться.

– Он умер? – негромко спросил Андрей.

– Умер? – Заварзин зло расхохотался. – Вогнать в человека два заряда рубленого свинца, ты хоть представляешь, что это такое? У него разворочена грудь, сердце перемешано с печенькой, из ребер сделано крошево! И после этого спрашиваешь, не умер ли он?

– Я стрелял холостыми, – повторил Андрей. – Картечи там не было. Я сам сделал прокладки, сам вкладывал патроны в стволы...

– Ты все перепутал, мальчик... Сажу у себя дома, вдруг звонят... Так и так, убийство в центре города... Двое на мотоцикле, обрез и так далее. Неужели, думаю, мои ребята уделались... Точно.

Андрей поднялся и пошел к крану. Плеснул в лицо холодной водой, прополоскал рот, наклонившись, подставил голову под струю. Тяжесть и дурнота после заварзинских ударов понемногу проходили. Он с облегчением убедился, что зубы вроде остались на месте, – Андрей почему-то больше всего опасался, что останется без зубов. Нет, кроме припухшей рассеченной губы, других повреждений не было.

– Где обрез? – донеслись до него слова Заварзина.

Андрей думал было, что обращаются к нему, но ответил Подгайцев, успокоительно ответил, избавляя его от необходимости разговаривать.

– Это хорошо, – кивнул Заварзин, но тут же снова взвился: – Его нужно не просто спрятать, его нужно уничтожить! Ты понял, Михай? Уничтожить.

– Сделаю.

– А как быть с этим идиотом? – Заварзин кивнул в сторону Андрея, который все еще топтался возле крана, не решаясь присоединиться к остальным.

– Кончать его надо, – подсказал Феклисов.

– Еще одного? – тихо спросил Подгайцев. – Вроде многовато будет. Пусть себе идет. Он больше всех замаран, ему ли еще возникать...

– Правильно, – согласился Заварзин. – Гнать его. Эй ты, придурок! Иди сюда. – Он исподлобья посмотрел на Андрея, который остановился в нескольких шагах. – Значит, так... Ты нас не знаешь, мы тебя не знаем... Катись на все четыре стороны. И упаси тебя бог попасться мне где-нибудь на глаза. Выкручивайся как знаешь. Прячься, уезжай, сиди в подвале... Нас это не касается. Мы ребята попроще, тебе не чета. Можем кому-то по шее дать, поматериться, Михей вон у кого-то колеса спер... Но не больше... Мокрые дела делай без нас... С Вовчиком мы разберемся, ты же и его под расстрел подвел, хоть это понимаешь?

– Патроны были холостые, – твердил Андрей, уже не столько отвечая Заварзину, сколько пытаясь убедить самого себя.

– Что ты там бормочешь? Ты меня слышишь?

– Слышу.

– Все понял?

– Все.

– Вопросы есть?

– Нет.

– Тогда катись. И не вздумай где-то сболтнуть... Загредишь первым. Если, конечно, до тебя дотянется рука правосудия... Мы ведь и сами можем разобраться. Ты и подсказал, как это сделать. Только без большого шума, без стечения народа... Сумеет.

Андрей молча пересек залитый солнцем двор, приблизился к своему мотоциклу. Смахнул ладонью пыль с нагретого солнцем бака, постоял, но сесть в седло не смог. Отошел к забору и опустился на землю. Мотоцикл как бы отгораживал его от всех.

– Ты чего ждешь? – крикнул Подгайцев.

– Не могу ехать... Посижу немного.

– Боюсь, посидеть тебе, мальчик, придется еще достаточно, – усмехнулся Заварзин. – Присаживайтесь, ребята... Тут у вас, я смотрю, еще немного осталось... Выпьем с горя, а?

Журчала вода из крана, от стола донесся глухой перезвон стаканов, невнятный говор. Андрей сидел, прислонившись спиной к дощатому забору, и с удивлением ощущал наступившее равнодушие. Прошло первое удивление, ужас, непонимание происходящего, и наступило спокойствие. Он смирился с тем, что сейчас, в эти минуты, все равно ничего не поймет. И вдруг в наступившей тишине услышал внятные слова Подгайцева, тот говорил громче, чем требовалось, видимо, хотел, чтобы и Андрей его слышал...

– А знаешь, боюсь, мы немного погорячились... Все не так уж и страшно... Смотри сам – ребята удачно смылись, не наследили, «хвост» за собой не привели... Погони не было, я сам смотрел – ни одна машина не увязалась, ни один мотоцикл... Что видели свидетели? Мотоцикл с фальшивым номером, двое ребят в шлемах... И все. На нас не выйдут. Скажи, Вовчик?

– Не должны, – согласился Махнач. – Мы чисто сработали.

– Вот видишь, Саша... Главное – не надо горячиться. С нами, в нашей компании, Андрей будет надежнее, чем сам по себе, согласишься. Среди друзей под присмотром... Чуть что – подержим, поправим, а? Парень он все-таки стоящий.

– Это уж точно, – хмыкнул Заварзин, но возражать не стал.

– Нет, Саша, говорю без дураков... Ты видел, как он водит мотоцикл? Бог! Вовчик, скажи!

– Нормально водит, – солидно кивнул Махнач, польщенный тем, что Подгайцев обращается к нему за поддержкой.

– Да уж лучше Вовчика, – проговорил Феклисов, осознав, что разговор идет как бы мимо него.

– Не знаю, лучше ли, но уж во всяком случае не хуже, – завершил тему Подгайцев. – Давай, Саша, подумаем... Ну перепутал парень патроны... Может, это из тех, которыми он тренировался... Мы же провели испытательные стрельбы... И незаряженное ружье раз в год

стреляет – это нам старшина в армии все втолковывал. Понял? Незаряженное стреляет, а тут сами зарядили... Вышла накладка. Он же сам больше всех и подзалетел! Ему и отвечать в случае чего, ему и вселяться в камеру смертников... И его же мы гоним? Нехорошо, не по-людски это, Саша! Ты как хочешь, но тут я с тобой не могу согласиться.

Андрей с удивлением прислушивался. После всей нервозности сегодняшнего дня слова Подгайцева вдруг вызвали в нем такой прилив благодарности к этому патлатому, сутулому парню, что Андрей невольно всплакнул и, устыдившись слабости, поспешно смахнул слезы ладонью.

– Тебя послушать – ему и премию надо выписать? – возмутился Заварзин. – Этак окладов пять, а?

– Не надо ему премии, – твердо проговорил Подгайцев. – Перебьется. Но кому-то и работать надо, Саша! А работник он неплохой, нам вон надо еще к завтрашнему дню «жигуленок» перекрасить, мотор в порядок привести... Свои полторы он отработает, не то что некоторые, – Подгайцев в упор посмотрел на Феклисова, который все это время непрерывно жевал.

– Так, – протянул Заварзин. – Не знаю, ребята, не знаю... Решайте. Давить на вас не хочу, а что в городе происходит... Я доложил.

– Останется без работы, сразу к нему вопросы пойдут – что случилось, почему выгнали... Вот тебе и подозрения, – обронил Махнач, ни на кого не глядя. – А так он при деле.

– А ты, Жирный, – спросил Заварзин, – что скажешь? Ведь кончать его предлагал, я правильно понял?

– Да ну – кончать! – вскинулся Феклисов. – Это так, для разговора... Я как все. Если ребята оставляют Андрея, вроде того, что на поруки берут... Не возражаю. Парень он надежный. Все сделал как надо. Оплошал маленько – по морде схлопотал. Следующий раз осторожнее будет. А если выйдут на нас... В чем дело – вот он, стервец, забирайте его с потрохами, судите своим справедливым судом. Я так понимаю. А, Михей? – Феклисов не мог ничего сказать от себя, он постоянно просил других подтвердить его слова.

Андрей слышал разговор, поскольку все говорили громче, чем требовалось. Понимал, что все складывается не самым худшим образом, но подойти к ребятам, заверить их в своей преданности не мог. Он смутно ощущал легкую, почти неуловимую фальшь в разговоре, ему казалось, что все чуть играли, говорили не столько между собой, сколько для него. Но это мимолетное ощущение тут же было вытеснено благодарностью к Подгайцеву, Махначу, даже к Жирному. Голова еще гудела, тело оставалось неповоротливым, и, чтобы подняться, подойти к столу, у него просто не было сил.

– Иди сюда! – услышал Андрей голос Заварзина и понял – это ему. С трудом поднявшись, пошатываясь, подошел, сел на подставленный Подгайцевым табурет, оперся спиной о стену дома. – Что-то ты совсем раскис... Соберись!

– Собрался, – обронил Андрей.

– Тогда слушай, – твердо сказал Заварзин. – Ребята решили тебя оставить. Их благодари. Но отрабатывать придется. Понял?

– Понял, – кивнул Андрей, стараясь не встретиться взглядом с Заварзиным. Нет, страха не было, но останавливало опять промелькнувшее ощущение игры.

– Значит, остаешься. Так будет лучше, я согласен. Ты сейчас в шоке, еще глупостей надеждаешь, с повинной явишься, себя загубишь и ребят подведешь... За тобой нужен глаз да глаз. Все понял?

– Да понял...

– Это хорошо. И в нашей конторе никаких перемен. Ничего не произошло. Запомни – ничего не произошло ни этим утром, ни вчерашним, ни позавчерашним. Нигде не трепаться. Даже между собой, – Заварзин посмотрел на каждого. – Даже между собой, – повторил он,

опустив на стол тяжелый кулак, покрытый светлыми волосами. – Если узнаю, что вы трепались о сегодняшних похождениях... Изничтожу. Михей, это на тебе.

– Все будет в порядке, Саша.

– И ты, Жирный, запомни. Твой язык и твою дурь я знаю. Чуть что – прихлопну. Веришь?

– Верю, – кивнул Феклисов.

– И на этом все. Завязали. Михей, наливай. Андрею плесни побольше, чтоб мозги хорошо встряхнулись. Еще налей, еще... Вот так. Сегодня ему ездить не придется, пусть из шока выходит. Менты говорят, что после убийства человек больше месяца в шоке пребывает и совершает всякие глупости. Благодаря этим глупостям и ловят вашего брата. Слышишь, Андрей? Не вздумай сегодня куда-нибудь уходить. Заночуй здесь. Предупреди кого надо по телефону, чтоб в городе искать не бросились. Но сам оставайся здесь. Место в конторе найдется, диван есть. Это на тебе, Михей.

– Понял, Саша.

– Что я забыл?

– Ты забыл пожелать трудовых успехов.

– Желаю вам трудовых успехов, – проговорил Заварзин без улыбки. – Чтоб «жигуленок» завтра был готов. Я пообещал человеку, он надеется. Клиентов подводить нельзя. Все. Прощаюсь. А ты держись, – он легонько ткнул Андрея в бок, но тот, не ожидая толчка, свалился на землю. – Да ну тебя, в самом деле, – подхватив Андрея под мышки, Заварзин снова усадил его на табуретку.

– Ничего, мы его восстановим, – сказал Подгайцев. – Все будет в порядке.

– Поеду на разведку, – Заварзин поднялся. – Есть у меня люди в тех самых органах. Узнаю, как продвигается следствие, какие следы оставили доморощенные убийцы... Андрей, тебе ведь интересно, как идет следствие?

– Не знаю... Наверно.

– Если что-то серьезное – доложу. Если очень серьезное... Придется устранять опасность. Тогда с тебя причитается, слышишь? Нынче все денег стоит.

– Слышу.

– Я незлопамятный, но добрые обещания помню. Скажем так – я добропамятный. Все, что мне обещано, помню. Надеюсь и жду.

– Дождешься, – обронил Андрей.

– Это в каком смысле? – насторожился Заварзин.

– Все в том же, в добропамятном.

– А, тогда ладно. А то уж как-то угрожающе у тебя прозвучало... Или мне показалось?

– Мне ли еще угрожать, – усмехнулся Андрей, сразу почувствовав боль в губе. Он вылил в рот остатки водки и сморщился от жжения.

– Я тоже так думаю. – Заварзин вышел из тени на сильное полуденное солнце и зажмурился от удовольствия. – Держитесь, ребята, – раздались его слова откуда-то из слепящего сияния. – В любом случае я с вами. Михей вон знает, что это кое-что значит. Михей, объясни.

– Да, если Саша сказал, на него можно надеяться. Я в этом убеждался не раз. Вы тоже убедитесь, если вам повезет.

– Пируйте, ребята, – сказал Заварзин. – Но не забывайте. И ты, Андрей, кончай кукситься. Проехали. Забудьте. Михей, проводи меня. – Быстро и легко, несмотря на свой вес, Заварзин прошел к сверкающему перламутром «Мерседесу», соскользнул в раскрытую дверцу. Подгайцев подошел, склонился так, что виден был только его тощий зад в промасленных спецовочных штанах. – Как я? – спросил Заварзин. – Ничего?

– Да ты что! Малый театр! – шепотом восхитился Подгайцев.

– Гастроль удалась?

– Все отлично, Саша! Ты и сам видишь. Не знай я всего заранее, сам бы проглотил, не поперхнувшись. Он просто обалдел от всего...

– Ну ладно... Пока. Продолжай в том же духе.

– Да иначе уже и нельзя, – заверил Подгайцев.

– Но за ним приглядывай... Что-то в нем бродит... И не отпускай сегодня. Оставь на ночь – пусть посторожит.

– Все отлично, Саша. Ни пуха! Будут новости – звони.

«Мерседес» неслышно скользнул в ворота, развернулся в сторону города и резко рванул с места, скрывшись в клубах горячей, разогретой на солнце пыли. Через десять минут сверкающая зеленой искоркой машина нырнула в городские кварталы, а пыль все еще стояла над дорогой неподвижно и округло.

Когда Подгайцев вернулся к столу, ребята, до того молчавшие, оживились, снова почувствовав себя вправе говорить.

– Что он сказал? – спросил Махнач.

– Кто? – недоуменно поднял брови Подгайцев.

– Как кто? Заварзин!

– Какой Заварзин?

Махнач некоторое время смотрел на Подгайцева в полнейшем недоумении, но постепенно в его глазах возникло понимание происходящего.

– Все понял, Михай. Прощу прощения.

– Если понял, мотанись к холодильнику. Там должна остаться бутылка... Я вижу, вы не прочь пригубить еще по одной, а? Нет возражений? Да! Чуть не забыл... – Подгайцев вынул из кармана несколько пачек сторублевок в банковских упаковках. – Это аванс за сегодняшние волнения... Андрей, правда, поработал больше остальных, но мы ведь об этом не договаривались... Поэтому всем поровну. – Подгайцев перед каждым положил по пачке. – Вопросы есть?

– Кто платит? – спросил Андрей.

– Как всегда – заказчик. Еще что-нибудь? – в голосе Подгайцева прозвучали нотки, заставившие Андрея замолчать. – И правильно. Не надо лишних вопросов. Не надо лишних знаний. Не надо ничего лишнего. Мы хорошо сработали в прошлом месяце, считайте это премией. Болтать о ней не стоит, поскольку в наших отчетах она не проходит. Вовчик, а где же водка? – Махнач сорвался с места и исчез в дверях.

А Заварзин, въехав в город, направился к переговорному пункту. Остановив машину в тени больших тополей, вышел, небрежно бросив за собой дверцу, еще раз насладившись звуком, с которым она захлопнулась. Нет, это не дребезжащая дверца «Запорожца», в которую, кажется, насыпаны обрезки жести, не жесткий сухой стук «Жигулей», не тяжелый грохот «Волги», когда металл бьется о металл... Хлопок «Мерседеса» был мягким, надежным, скрывающим и хранящим уют, услышав его, не нужно перепроверять запор, тыкать ключ, поворачивать его, а затем снова дергать ручку. Нет, здесь требуется немного – красиво выйти из машины, легонько толкнуть дверцу за спиной и, не ожидая хлопка, спокойно отправиться по своим делам.

Войдя в кабину, Заварзин набрал номер, оглянулся. Сквозь мутное несвежее стекло он не увидел ничего подозрительного. Переговорный пункт был попросту пуст – не находилось желающих в такую жару запирается в тесную кабину, в которой мгновенно покрываешься липким потом. Его звонка, видимо, ждали – трубку подняли тут же. Разговор получился недолгим, а многим он показался бы странным.

– Простите, – сказал Заварзин, – куда я попал?

– А куда вы звоните? – спросил напористый голос.

– Видите ли, я по делу...

– И как дела?

– Хорошо идут дела... Голова еще цела.

– С чем я вас и поздравляю! Внимательней набирайте номер!

– Виноват! Исправлюсь! – ответил Заварзин, но не было в его голосе ни смущения, ни растерянности. Повесив трубку, он вышел на улицу. Вокруг «Мерседеса» толпились зеваки, заглядывали в кабину, любовались зелеными переливами. Заварзин не стал им мешать. Он постоял в сторонке, прошелся по улице и только потом, легонько раздвинув толпу у машины, уселся на желтое бархатное сиденье. Заварзин не торопился. Включил магнитофон, ткнул в узкую прорезь кассету, уменьшил звук и некоторое время сидел, откинувшись на спинку сиденья, бездумно и расслабленно. И только подвигающимся под закрытыми веками глазам можно было догадаться, что он видел в эти минуты что-то беспокойное, тревожащее. Минут через десять он включил неслышимый мотор и тронул машину. Бросив взгляд в зеркало, удовлетворенно кивнул – восторженные зеваки обалдело смотрели ему вслед. Сверкающий под полуденным солнцем зеленый «Мерседес» миновал перекресток, на котором произошло убийство. Ничто сейчас не напоминало о трагедии – асфальт был чист и сух, прохожие предпочитали затененную противоположную сторону улицы, лишь несколько человек толпились у киоска с мороженым. Заварзин, не замедляя скорости, проехал мимо, хотя на светофоре уже горел желтый. Постовой проводил его взглядом – он знал эту машину.

На пляж Заварзин успел как раз к назначенному времени – крупноватая девушка с короткой стрижкой уже сидела под грибком, с легким нетерпением оглядываясь по сторонам.

– А вот и я, – сказал Заварзин. – И почти без опоздания.

– На такой машине грешно опаздывать.

– Ох, не сглазь, Наташа! Ох, не сглазь! – Заварзин снял светлый пиджак, мимоходом коснувшись ее груди. – Ой! Что там у тебя? Ты что-то прячешь?

– Шарик! – легко ответила Наташа. – Теннисные шарики. – Крупноваты для игры?

– Смотря для какой. Поиграем, тогда и разберемся, а? – Он посмотрел исподлобья. – Не возражаешь?

– Поиграем. Вот жара немного спадет...

– Эх, дожить бы! – шутливо простонал Заварзин.

Пафнутьев разложил на столе фотографии, которые принес Худолей, и не торопясь рассматривал одну за другой. Снимки получились неплохими, даже на глянец эксперт не покусился, что бывало с ним нечасто. Сам Худолей сидел тут же, закинув ногу за ногу так, что тощая выпиравшая коленка была видна во всех анатомических подробностях. Скучая, Худолей листал какой-то журнал, листал шумно, резко, словно его раздражала каждая страница и он торопился побыстрее ее перевернуть. Время от времени заглядывал на следователя, пытаясь понять его настроение.

– Так, – произнес наконец Пафнутьев, откладывая в сторону один снимок. – А словами можешь что-нибудь сказать – вслух, внятно, четко?

– Тяжелый случай, Паша. Но кое-что есть, не зря мы ползали по этому переулку. Ты правильный снимок выбрал. Как ни старались ребята, а всего не предусмотрели – протектор оказался меченым. Зная, как они гоняют по дорогам, по бездорожью, можно предположить, что повреждение обязательно обнаружится. И оно обнаружилось. Смотри, вырвана часть протектора в виде этакого треугольничка довольно правильной формы...

– Вижу, – Пафнутьев взял снимок, всмотрелся в него. – Авось сгодится... Когда мотоциклиста поймает, – он сунул снимок в потрепанную папку. – Помнишь, как обрывался на дороге след мотоцикла? Резко и навсегда. Мотоциклы, насколько мне известно, пока еще не летают... Куда он мог деться?

– А черт его знает? Скорее всего вкатили на что-нибудь... Другого объяснения не вижу.

– Вкатили? – с сомнением проговорил Пафнутьев. –хлопотно это... И потом, что значит вкатили... Сначала должно быть торможение, потом остановка, кто-то должен с мотоцикла слезть... След в этот момент наверняка завияет, появятся отпечатки подошв... А там ничего этого нет. Ладно, разберемся. Что еще?

– Кровь на заборе – третья группа. На левой руке у одного из мотоциклистов наверняка есть ссадина, содранное место... Что-то в этом роде. Эти охламоны с перепугу не вписались в поворот... Несколько метров они ехали вдоль забора и все это время от досок отталкивались.

– Это все? – уныло спросил Пафнутьев.

– На рукавах у преступников, на левых рукавах, должны остаться древесные занозы. Мелкие, почти незаметные. Их так просто не вытащить из ткани. И куртка оставила след на заборе... черная куртка из брезентовой ткани. И еще, Паша... Когда мотоцикл бросило на забор, один из седоков оперся ногой о землю. И оставил отличный отпечаток подошвы. Рубчатая подошва ботинка типа туристского... Если найдешь, доказать несложно, – Худoley протянул еще одну фотографию.

Пафнутьев взял снимок, рассмотрел в него и, не сказав ни слова, сунул в папку.

– Все это хорошо, – вздохнул он, – все это мило... Но у нас нет ничего, что помогло бы установить их самих.

– Я, конечно, извиняюсь, – перебил его Худoley, – но ты несешь чушь. Как это ничего нет?! А мотоцикл ни о чем не говорит? Рокеры-шмокеры тебя не интересуют? А обрез? А заряд? А прокладки? А связи бедолаги Пахомова? Эти убийцы, между прочим...

– Как ты думаешь, чем они сейчас занимаются?

– Водку пьют, – не задумываясь, ответил Худoley. – Тут и думать нечего. Все, кто достал водку, пьют. А кто не достал – маются.

– Да, кстати, – Пафнутьев поднял с пола портфель, не торопясь пощелкал замками и, порывшись в его глубинах, вынул бутылку водки. Как недавно Халандовский, он взял ее за самый кончик горлышка и поставил на стол. – Хотя ты во мне и сомневался... Однако же должен признать, что слов своих не забываю.

– Паша! – вскочил Худoley. – Паша... Представляешь, надежда в душе теплилась, слабая, гаснущая надежда... Но верить боялся. Как мы все-таки изверились, как обнищали духом! Как мало в нас осталось высокого и чистого! Если я когда-нибудь...

– Спрячь, – сказал Пафнутьев. – А то выгонят обоих.

– Да я мигом, да я... – Худoley сунул бутылку в карман, сверху на торчавшее горлышко натянув рукав, прокрался к двери, осторожно выглянул наружу. Убедившись, что опасности нет, выскользнул из кабинета, большими бесшумными шагами пробрался в конец коридора, где висели противопожарные ведра да топоры с крючьями, и нырнул в свою каморку. Там, пометавшись из угла в угол, он наконец сообразил сунуть бутылку в корзину для мусора, сверху набросал бумаг, от двери обернулся, чтобы убедиться в надежности тайника, а выйдя, уже не торопясь вернулся к Пафнутьеву.

– Паша, – торжественно сказал Худoley, – я твой должник по гроб жизни.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

– Используй меня как душа пожелает! Я сообразительный, Паша! – Худoley прижал тощие ладошки к впалой груди и преданно заморгал длинными женскими ресницами. – Я все пойму, Паша! Верь мне, истинно говорю тебе!

– Значит, определимся... – Пафнутьев помолчал. – Ты не уходишь отсюда, пока не сделаешь полсотни таких снимков, – он постучал пальцем по папке. – Рисунок протектора с треугольничком.

– Полсотни?! – ужаснулся Худoley. – На кой, Паша?! Неужто на всех углах расклеивать будешь?

– Участковым раздам. В мотоклуб занесу... Кто у нас рокерами занимается?

– Шестаков. Жорка Шестаков. Раньше Иван Лавров все воевал с ними, а теперь Шестакову поручено. Успехов у него немного, можно сказать, и нет никаких успехов по причине врожденной бестолковости, но какой-то учет ведет.

– Вот ему нужно несколько фоток подарить.

– Не советую, Паша. Завалит. Начнет этим же рокерам и показывать. Уж очень бестолковый.

– Ладно, подумаем. И еще одно... – Пафнутьев запнулся, окинул взглядом вещественные доказательства, которыми был завален кабинет, с сомнением посмотрел на Худолея, и тот понял его колебания.

– Говори, Паша! Говори! Я же сказал – верь мне и не пожалеешь.

– Попробую...

– Паша! – снова взвился Худолей. – Я могу напиться, деньги семейные прокутить, слово нехорошее произнести могу, и даже в женском обществе. Но человека, который мне доверился, не предаю. У алкоголиков, Паша, суровые законы порядочности, хотя ты в это и не поверишь. Да, среди нашего брата есть подонки, готовые ради рюмки водки и отца родного... Есть. Но в то же время у нас очень своеобразные понятия о нравственности, достоинстве... Да, Паша, да! Многие чувства у представителей нашего круга болезненно обострены... И часто обостренной бывает честь. Хоть для некоторых это звучит и смешно!

– Да нет, почему смешно... Нормально звучит, – смутился Пафнутьев под горящим взглядом Худолея.

– Тогда говори, Паша.

– Значит, так, Виталий... Дело это довольно своеобразное, как ты только что выразился... Некоторые вещи смущают, некоторые настораживают...

– Меня тоже. Я, например, очень озадачен тем, что расследование этого убийства поручили именно тебе. Не в обиду, конечно, будь сказано.

– Значит, мы с тобой мыслим в одном направлении. – Пафнутьев смахнул со стола невидимые крошки, словно расчищая место для разговора откровенного и прямого.

– Говори, Паша. Я очень хорошо тебя понимаю. – Худолей уважительно поморгал ресницами. Глаза его в это время оставались, как всегда, красновато-скорбными.

– Анцыферов, – наконец произнес Пафнутьев, преодолев в себе какое-то сопротивление. – Он ведь и тебя вызовет, будет долго, нудно расспрашивать о подробностях, успехах, находках... Это его право, разумеется. Может быть, даже долг...

– Я не должен говорить ему все? – спросил Худолей в упор.

– Видишь ли, Виталий, я не уверен в том, что он...

– Понимаю.

– Да? – Пафнутьев озадаченно посмотрел на Худолея. – Ну хорошо. Если все сопоставить... От моего назначения до...

– До личности пострадавшего, – подхватил Худолей, – то картина вырисовывается недоуменная. Паша, об этом нельзя говорить вокруг да около. Или в лоб, или совсем не надо. Намеки не пройдут. Иначе собьем друг друга с толку. Если мы вступаем в преступный сговор, надо так и сказать... Преступный сговор.

– Ну, так уж и преступный, – Пафнутьев досадливо отвернулся. – Обычное рабочее совещание.

– Пусть, если тебе так легче.

– Хорошо, – вздохнул Пафнутьев. – Так и быть. Не надо Анцыферову о треугольнике. Иначе мы его никогда не найдем, он исчезнет с лица земли. И про куртку с деревянными занозами в левом рукаве. И про то, как странно исчез мотоцикл... Про кровь можешь сказать – поменять группу еще никому не удавалось.

– Отпечаток подошвы? – спросил Худолей.

– Не надо.

– Правильно, – одобрил эксперт. – Но ведь это... Сложная получается игра, Паша.

– Авось. Скажи мне вот что, Виталий... Мне впервые приходится сталкиваться с убийством, с таким убийством... Ты в этих делах вертишься постоянно. Я не спрашиваю у тебя имен, мне не нужны даты и цифры... Скажи в общем... Тебя ведь не в первый раз понуждают скрывать те или иные обстоятельства того или иного преступления по настоянию того или иного человека?

– А как же, Паша! – воскликнул Худолей, прижав ладошки к груди. – А как же иначе! Ведь истина – это не потаскушка, которая с любым согласна... Истина – это приличная девушка, из хорошего общества, у нее уважаемые родители, у нее возвышенные представления о жизни... Это все надо учитывать. Выходя замуж, или, другими словами, выходя к людям, истина должна выглядеть пристойно, чтобы все радовались, на нее глядя, чтобы никто не упрекнул ее в низменных страстях, недостойном поведении, вульгарности манер... Дома, у себя на кухне или в спальне, она может выглядеть как сама того пожелает, но на людях, другими словами, в зале правосудия, она должна быть прекрасной... Свежей и румяной...

– Как покойник?

– Что-то в этом роде, Паша. Вон подобрали Пахомова на асфальте... Знаешь в каком он был виде? А в гробу не узнать, залюбуешься. Он тоже будет свежим и румяным, – горящие, обрамленные красноватыми веками глаза Худолея говорили о предельной откровенности.

– Ну ладно, – проговорил Пафнутьев, – это что касается видимости, внешней подачи... А по сути?

– А какая разница? – воскликнул Худолей с азартом. Чувствовалось, что нечасто ему приходилось говорить на эти темы, но хотелось. – Подробности, видимость, способ подачи создают суть, а суть тоже нуждается в поправках.

– И закон?

– Да, Паша! И закон. Ведь мы живые люди, мы не можем бездумно и бессердечно втискивать судьбу человека в железные прутья параграфов, статей, пунктов и подпунктов. Не роботы, слава богу!

– Ну ладно, – Пафнутьев устал от разговора. – Мы договорились?

– Паша! Могила!

– И чтоб не было недомолвок, скажу сразу... Румяна меня не интересуют. И укладывать истину в гроб я тоже не собираюсь.

– Паша! – в отчаянии вскричал Худолей, но высказать ничего не смог – распахнулась дверь и вошли оперативники, Ерцев и Манякин. Они не выглядели усталыми и изможденными, от предложенного чая отказались, сославшись на то, что только от стола. Где и чем их потчевали, Пафнутьев уточнять не стал, хотя знал, что вот так просто, по одному лишь своему желанию, перекусить в городе невозможно. Оперативники уселись рядом у стены, с интересом огляделись, окинули одинаковыми взглядами Худолея. И тот невольно съежился, потускнел. Теперь у стены сидел не разгоряченный спором, раскованно и дерзко мыслящий человек, сидел, плотно сжав ладошки коленками, человек выпивающий, причем частенько и многовато.

– Готов вас слушать, ребята, – сказал Пафнутьев.

– Вот адрес пострадавшего, Пахомова Николая Константиновича, – Ерцев положил на стол листок бумаги.

– О, да это совсем недалеко! – воскликнул Пафнутьев.

– Рядом, – подтвердил Манякин. – Если дворами – не больше десяти минут ходу. В квартире осталась его жена, Лариса Пахомова. Дочь, у них есть дочь. Но родители примерно месяц назад отправили ее к бабке на Украину. В Мариуполь. И сама Лариса из Мариуполя. Женаты десять лет. Жили в мире и согласии, пока Пахомов не стал личным водителем Голдобова –

начальника управления торговли. Ты, Паша, должен знать одну вещь... Голдобов хорошо знаком с бывшим Первым, ныне председателем Совета... С Сыцовым. И не просто знаком, а, можно сказать, пребывает в личных друзьях. Что, естественно, ко многому нас обязывает.

– К чему, например?

– К осторожности. К осмотрительности. К почтительности, – проговорил Худолей, невозмутимо глядя в окно.

– Вот! – подхватил Манякин. – Человек все знает.

– Лариса Пахомова, – напомнил Пафнутьев.

– Да! Поговаривают, что у нее с Голдобовым отношения не только служебные...

– Зря говорить не станут, – согласился Худолей, не отрываясь от окна, словно видел там срамные сцены из жизни высшего света города.

– Где работает?

– В системе торговли. Числится товароведом. Часто бывает в командировках.

– С Голдобовым?

– И с ним тоже. Как видишь, специалист незаменимый. Ее фотографию мы видели на Доске почета в управлении.

– Красивая?

– Вполне, – кивнул Ерцев.

– Блуд в глазах, – добавил Манякин. – Блуд и похоть.

– Значит, красивая, – умудренно заметил Пафнутьев.

– Это как, Паша? – удивился Худолей.

– А так... Красота – это ведь не цвет волос и не разрез ноздрей... И не завитушки над ухом. Красота – это и есть блуд в глазах. Можно сказать поприличнее – стремление к любви, готовность к любви, способность к любви... – Пафнутьев впервые за весь день рассмеялся, глядя на озадаченные лица оперативников. – А коли есть блуд, значит, у нее и в остальном все в порядке. Значит, уверена в себе, в своих близких и получает от них все, что требуется для нормальной жизни.

– Ну, Паша, ты даешь! – искренне восхитился Худолей.

– Минутку, – Пафнутьев придвинул к себе телефон и набрал номер. – Зоя? – проговорил он голосом ласковым и почтительным. – Пафнутьев тебя тревожит...

– Пафнутьев меня не тревожит, – быстро ответила секретарша. – И никогда не тревожил.

– Но, может быть, в будущем, Зоя...

– Сомневаюсь.

– Сомнения – это моя профессия, Зоя. Сомнения питают душу... Опять я насчет письма... Принес человек письмо, а оно возьми да и затеряйся в вашей конторе. Принес вечером, а утром его насмерть застрелили... А в письме он своими опасениями поделился, сомнениями опять же...

– Нет письма.

– И не будет?

– Может быть, когда-нибудь найдется... Сейчас нет.

– И не было? – задал Пафнутьев главный вопрос. И секретарша поняла, что это и есть самое важное в разговоре. Зоя помедлила с ответом, в ней явно боролись две противоположные силы – желание быть искренней и верность служебному долгу.

– Что тебе сказать, Паша, – проговорила она раздумчиво.

– Спасибо, Зоя. Я понял. – И Пафнутьев положил трубку.

Некоторое время он сидел молча, разглядывая собственные ладони. Все молчали, уважая высокие его раздумья, лишь изредка переглядываясь и делая друг другу незаметные знаки – тише, дескать, начальство думает.

– Ладно, хватит вам перемигиваться, – Пафнутьев откинулся на спинку стула. – Слушай мою команду. Виталий, с тебя снимки. Сделай пару десятков, потом при надобности допечатаешь. Срок исполнения – завтра к утру.

Вместо ответа Худолей сложил руки на груди и склонил голову.

– На тебе, – Пафнутьев повернулся к Ерцеву, – ревизии последнего года. Все, что касается управления торговли. Кого привлекли и за что, кого посадили и на сколько, кого помиловали, на поруки взяли, кто откупился, отвертелся, отгавкался... Короче – вся уголовная хроника.

– Ни фиги себе! – воскликнул Ерцев. – Да это на месяц работы!

– Не нужно слишком много подробностей, – успокоил его Пафнутьев. – Но общая сводка, из которой можно было бы заключить о положении вообще, понимаешь? Повторяю – сводка. Усек? Завтра жду с первыми успехами.

– Думаешь, они будут? – с сомнением спросил Ерцев.

– Уверен! – с преувеличенной напористостью произнес Пафнутьев. – Ты еще себя не знаешь! – Он повернулся к Манякину. – На тебе результаты медэкспертизы, опознание...

– А кто опознает?

– Жена. Друзья. Соратники. Соседи. Хватит? Еще кого-нибудь назвать?

– Для начала достаточно.

– Но ты же знаешь, вовсе не обязательно, чтобы опознавали все, кого я перечислил?

– Да уж сообразил.

– Слава тебе, господи! – облегченно воскликнул Пафнутьев. – И с баллистиками все нужно выяснить. Уточняю – картечь самодельная или заводская, бывают шарики от подшипников, колотый чугун, рубленый свинец и так далее. Может быть, что обнаружится – пыжи, жаканы, прокладки... Не забудь о содержимом карманов.

– Деньги? – оживился Манякин. – Так их уже санитары расхватили на сувениры.

– Какие деньги! – простонал Пафнутьев. – Блокнот, записная книжка, телефоны, квитанции, билеты на поезда и самолеты, на трамваи и автобусы, письма, наброски, бумажки для туалета...

– И это нужно? – удивился Манякин.

– Да! – заорал Пафнутьев. – Да! Изымаешь для собственного употребления. Разве ты не знаешь, что в стране нет туалетной бумаги?!

Корчился от хохота Худолей, вертел головой Ерцев, не зная, как помочь товарищу, а тот озадаченно оглядывался по сторонам, пытаясь понять, что стоит за последним указанием следователя.

– Мне кажется, – медленно проговорил Манякин, – что если при пострадавшем действительно была туалетная бумага в каких-то количествах, то санитары и ее...

– Все! – закричал Пафнутьев. – Нет больше сил моих. Катитесь!

Ушли оперативники, убрался в свою каморку Худолей, в кабинете наступила тишина, и Пафнутьев со вздохом откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и закрыл глаза. Это была его привычная поза – затылком в холодную стену, выкрашенную масляной краской, и неустойчивое раскачивание на двух задних ножках стула. Он перебирал услышанные за день слова, вспоминал лица, имена, сведения и тасовал все это, тасовал, пока не начинала устанавливаться взаимосвязь между событиями, пока не появлялся в них просвет.

В коридоре время от времени вспыхивали разговоры, перебранки, кто-то прощался, кто-то канючил, жалуясь на жизнь. За окном шумела городская жизнь, наполненная гудками машин, голосами, шелестом ветвей, – начался ветер, и появилась надежда, что опять короткий дождь освежит зелень, хоть на какое-то время смягчит зной.

– Похоже, Павел Николаевич, вы крепко влипли, – проговорил Пафнутьев вслух и, оттолкнувшись от стены, склонился над телефоном. Этот номер он набирал медленно, словно

еще не решив окончательно, стоит ли звонить. Но палец продолжал набирать одну цифру за другой, и наконец раздались длинные гудки, прозвучал в трубке знакомый голос. Пафнутьев не сразу отозвался, все еще колеблясь. – Привет, Таня, – произнес он каким-то нерабочим, вечерним голосом. – Как поживаешь?

– А, Паша, – без подъема проговорила женщина. – Здравствуй, Паша. Жив?

– Местами, – у Пафнутьева сразу изменилось настроение. Шаловливые слова, которые уже плясали на кончике языка, исчезли, уступив место усталым и раздраженным.

– А вообще, что нового? – женщина явно тяготилась разговором.

– Самая большая новость в моей жизни – это то, что я вот собрался позвонить тебе.

Неплохая новость, а? – Пафнутьев сделал попытку придать разговору хоть какой-то смысл.

– Долго собирался.

– Ждал, что ты позвонишь...

– Некогда, Паша.

– Дела? – участливо спросил Пафнутьев, уже жалея, что затеял этот разговор.

– Да... Сама удивляюсь, куда уходит время.

– Давай встретимся, и я подробно, со знанием всех обстоятельств, объясню, куда уходит время. Твое, мое...

– Сегодня не получится, Паша, – произнесла женщина, не потрудившись придать голосу хоть какое-то сожаление.

– Экзамены? – подсказал Пафнутьев.

– Не только... Подруга заболела, надо навестить... Дома полный кавардак... Все собиралась за уборку взяться...

– Гостей ждешь?

– Да какие гости, – небрежно сказала Таня, и Пафнутьев улыбнулся своему печальному знанию человеческих слабостей.

– Ох, Таня, Таня, – вздохнул он непритворно, – ты даже не представляешь, с каким страшным человеком разговариваешь. А если я скажу, что еще неделю назад приставил к тебе одного толкового оперативника, который не спускал с тебя глаз ни днем, ни ночью? Теперь я могу сказать, чем заболела подруга, какие тебя ждут экзамены и сколько они еще будут продолжаться. Могу сказать, почему у тебя кавардак в доме, какие подарки кому подарила, что вручили тебе и за какие заслуги... Кто посетил тебя и кого посетила ты...

– Слушай, неужели в самом деле приставил?! – ужаснулась Таня. – Это ведь... Это незаконно!

– Очень даже законно. К нам прибыли на практику двое ребят... Надо же их на чем-то проверить. Одного я приставил к тебе, поскольку всегда могу оценить достоверность добытых сведений.

– Паша, это нечестно! – жалобно проговорила Таня.

– Если ты будешь и дальше вести себя со мной вот так безжалостно, – жестко проговорил Пафнутьев, – я его попросту посажу.

– За что?

– А почему ты не спрашиваешь, кого я собираюсь посадить? Эх, Таня, не любишь ты меня, не жалеешь!

– Ну почему же... Я очень тебя люблю.

– Когда говорят, что люблю очень, это значит, что не любят совсем. Мне не нужно, чтобы ты меня любила очень. Очень – никто никого не любит. Все проще: или любят, или нет.

– Опять ты за свои следовательские штучки...

– Я говорю только о любви.

– За что ты к нему прицепился?

– Ну... Прицепился я больше к тебе... А за что его сажать... У него три пары джинсов. – Конечно, Пафнутьев не знал, сколько штанов у нового поклонника Тани, но он знал Таню.

– Это преступление?!

– Чтобы иметь три пары джинсов, надо совершить не одно преступление. Такова жизнь. Давно его знаешь?

– Месяца два...

– О, так у вас все впереди!

– Не все.

– Даже так, – упавшим голосом обронил Пафнутьев. – Даже так... Ну ладно, приятно было с тобой поговорить. Если что – звони. Всегда рад, как говорится.

– Зашел бы как-нибудь, Паша!

– Зайду. Обязательно. Как пригласишь, так и зайду.

– Приходи сейчас, – произнесла Таня несколько вымученно.

– Что же это получается – запугал бедную девочку, нагнал страху и, воспользовавшись ее беспомощным состоянием, в дом проник... Нет уж! В другой раз. Но предупреждаю – я страшный человек. А в гневе даже неистовый. Все. Целую.

И Пафнутьев положил трубку, хотя слышал, что Таня еще что-то пыталась объяснить. Он снова откинулся на спинку стула, нашел затылком привычное место на холодной стене. Его озадачивала двойственность собственного положения. С одной стороны, от него требуют результатов, но в то же время предпринимаются явные усилия, чтобы их не было. Иначе как понимать, что именно его, никогда убийствами не занимавшегося, вдруг бросают в это дело? Теперь эта пропажа письма в милиции... Колов не учел, что в журнале может быть запись о посещении Пахомова... Здесь у них прокол. И устроил им это... Пахомов. Он знал, что находится в зоне риска. Наверняка от него что-то требовали, к чему-то склоняли, чем-то угрожали. И если убийство состоялось, значит, Пахомов не дрогнул. Следовательно, убийство было не случайным.

А убийцы – всего лишь исполнители. За ними стоят другие люди – состоятельные и осторожные. Они могут сделать заказ, расплатиться и остаться в стороне. И то, что ты, Павел Николаевич, оказался в роли следователя... Это их выбор. Ты должен уяснить и запомнить – именно они, организаторы преступления, выбрали тебя. А задача их заключается в том, чтобы следствие шло активно, но без результатов. Ты не должен их обнаружить. Да тебе никто и не позволит. Значит, ты, Павел Николаевич, оказался вроде чучела – руками маши сколько угодно, но с места не двигайся. Ну что ж, будем махать руками... Но почему выбор пал на меня? А потому, Павел Николаевич, что ты в прокуратуре самый занюханный и никто в тебя не верит. Ты самый бестолковый и потому самый безопасный. Нравится это тебе или нет, ласкает это твой слух или оскверняет...

Дальше – Колов... Он принял меня, чтобы убедиться – расследование в надежных руках. Ха! Письмо не отдал. А потому не отдал, что в нем все ответы изложены открытым текстом. Письмо не найдется, в этом, Павел Николаевич, не сомневайся. И не стоит тебе тревожить Колова, тешить его своей беспомощностью. Он сам позвонит... Не выдержит неизвестности и сам подаст голос... Если, конечно, сможешь создать некую завесу таинственности вокруг следствия. Итак, твоя задача – поменьше трепаться. Или наоборот – трепаться побольше, но бестолковее, дурнее. Чтобы все знали – глухо. В этом твой шанс и твое спасение... Он окинул взглядом кабинет, заваленный окровавленными тряпками, корявыми кастетами, обрезками, ножами, железками и деревяшками, торчавшими из-под каждого шкафа, стола, стула, мысленно посмотрел на себя – сероватый, тесноватый костюм, бесформенные туфли, застиранный воротничок рубашки, который когда-то блистал белизной.

– Все правильно, – проговорил он вслух. – Все правильно... Зашморганный ты, Павел Николаевич. И смотреть на тебя просто противно. И показания тебе дают, не уверенные даже в

том, что правильно поймешь сказанное, оценишь откровенность, прямоту, отчаяние сидящего перед тобой человека... Таня – ладно, с Таней разберемся. Бог даст... Но в этой жалкой одежке ты приходишь словно бы из прошлого, из паскудного прошлого... Над тобой смеются, а теперь еще и в дураки записали... Поприкинули, кто тут всех дурней? Конечно, Пафнутьев. Вот ему и поручим... Валяй, Павел Николаевич! Вперед! Ату!

«Неужели не ошиблись во мне? – вдруг подумал он зло. – Неужели для того меня и держат здесь, чтобы поручать время от времени такие вот забавные дела? Напрасно, ребята, это вы напрасно». Пафнутьев вдруг ощутил упругие удары сердца.

– Напрасно, – повторил он. – Не надо так, ребята, со мной. Как бы не ошибиться... Как бы вам не сплеховать.

Поколебавшись, Пафнутьев набрал номер телефона Халандовского.

– Аркаша? Опять я... Пафнутьев.

– Слушаю тебя, Паша.

– Скажи, пожалуйста... Только откровенно... Я не показался тебе... занюханным?

– Хм... Смотря что иметь в виду...

– В самом полном и прямом смысле слова!

– Видишь ли, Паша, – Халандовский помялся, сбитый с толку неожиданным вопросом, – возможно, у тебя такая работа, что легкая занюханность и не мешает?

– Значит, есть? – Пафнутьев представил себе печальные глаза своего друга.

– Как и у всех нас, – помедлив, ответил Халандовский. – Это то качество, которое свойственно всему нашему государству. И потом, Паша... Когда с нами происходят те или иные события, на первый взгляд пустяковые, незначительные события, мы обнаруживаем, что слегка занюханны, слегка заброшенны, слегка отвергнуты... Чаще всего это дает понять женщина... Может быть, сама того не желая. Начальство принимает нас в любом виде, подчиненные тоже готовы многое простить, семья... Семья часто не представляет даже, что мы можем быть другими... А вот женщины... С ними сложнее. Я прав, Паша?

– Ох-хо-хо!

– Это печально, – умудренно ответил директор гастронома. – Я могу тебе помочь?

– Только ты, Аркаша! Я знаю безграничность твоих возможностей, поэтому и звоню.

– Говори, Паша.

– Мне нужно несколько хороших вещей... Туфли, штаны, кепочка... Может быть, легкий костюм... Или курточку? Как посоветуешь?

– Ты ведь не позволишь подарить тебе все это?

– Не могу, Аркаша. С удовольствием, но не могу. Меня неправильно поймут.

– Все это стоит примерно половину твоей годовой зарплаты.

– Сколько?!

– Да, Паша. Да. Это грустно, но это так.

– Как же быть?

– Бери взятки.

– Не дают, – рассмеялся Пафнутьев.

– Начни с меня.

– Ты серьезно?

– Вполне.

– Хм... Больно круто.

– Тогда назови это дружеским подарком. Ты, Паша, можешь быть уверенным в том, что я никогда не напомню об этом. И тебе не придется ради меня нарушать закон.

– Ха, я сам его нарушу! По своей доброй воле, когда дело коснется тебя.

– Спасибо, Паша, я буду это помнить. – Несмотря на расслабленность Халандовского, при разговоре с ним надо было всегда соблюдать крайнюю бдительность. Он слышал все, не

пропускал ни единого неосторожного слова, опрометчивой интонации, рискованной шутки, мгновенно подсекая собеседника, как простодушную рыбешку, и выволакивая его, беспомощного и покорного, на ясное солнышко.

– Ладно, созвонимся, – Пафнутьев прибег к привычной уловке, чтобы закончить чреватый разговор. «Созвонимся», – говорил он Тане, когда в прежние счастливые времена она слишком уж допекала его укорами, это словечко он бросал и подчиненным, и начальству, когда нечего было сказать или когда хотелось уйти от обещаний, к которым его подталкивали.

– Созвонимся, – великодушно согласился Халандовский.

По привычке оглянувшись – не забыл ли какую бумажку, запер ли сейф, прикрыл ли форточку на случай ночной грозы, Пафнутьев покинул свое рабочее место. Опять же по привычке постарался побыстрее и незаметнее прошмыгнуть через коридор, чтобы не натолкнуться на начальство, не встретиться с человеком, который бы снова увлек его в пыльные недра прокуратуры по делам важным и неотложным. Выйдя на порог, он с наслаждением зажмурился от яркого предвечернего солнца и, лишь постояв несколько мгновений, решился шагнуть со ступенек. Отойдя на сотню метров, вспомнил, что так и не заглянул к Анцыферову.

– Перебьется! – проговорил он в сердцах и размеренно зашагал в сторону перекрестка, где утром разыгрались столь печальные и неожиданные события.

Обычные обязанности Пафнутьева не требовали от него большого напряжения, не были слишком уж нервными, и по вечерам он не ощущал себя закабаленным очередным делом. Все, что не успел сегодня, можно было закончить завтра, послезавтра, через неделю. Дела, которые поручали Пафнутьеву, странным образом соответствовали его характеру. Вполне возможно, что ему и подбирали дела, не требовавшие срочности, отвечавшие его собственной неторопливости и основательности. А он, привыкнув, невольно склонялся к мысли, что дела все такие.

Это было заблуждение, и Пафнутьев знал, что это заблуждение. Он видел, как работает тот же Дубовик – бессонные ночи, неожиданные выезды, досадные срывы, когда вынужден, наплевав себе в душу, освобождать какого-нибудь хмыря, за которым носился не одну неделю. Но следовал телефонный звонок или добродушный совет, следовала выволочка от Анцыферова и... И приходилось отпускать, стараясь не замечать блудливую улыбку подонка.

Бывало, что делать, и с Пафнутьевым бывало. Ну что ж, рассудительно говорил он себе в таких случаях, – специфика работы. И вспоминал лукавые слова Анцыферова: «Задача не в том, чтобы отлавливать и сажать всех, кто того заслуживает, задача в том, чтобы содержать общество в разумном правовом равновесии, чтобы каждый знал о существовании справедливости, но не был в ней полностью уверен, тогда он управляем и законопослушен... Не стремитесь к бытовой справедливости, не увлекайтесь так называемым житейским здравым смыслом. Есть смысл более высокий, есть целесообразность высшего порядка... Государственная!» – И он со значением поднимал обе руки, как бы поддерживая пошатнувшуюся планету.

Теперь же Пафнутьев неожиданно ощутил острую неуютность в душе. Он и Тане позволил в какой-то смутной надежде обрести прежние покой и уверенность. И, кажется, она его поняла, даже предложила повидаться. И не потому, что так уж испугалась за своего приятеля, она понимала, что Пафнутьев ничего плохого ему не сделает, даже если для этого будут основания. Таня с первых дней их знакомства поняла, что Пафнутьев живет не по статьям закона, а по устаревшим приметам здравого житейского смысла, от которого так настойчиво и безуспешно отучал его прокурор Анцыферов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.